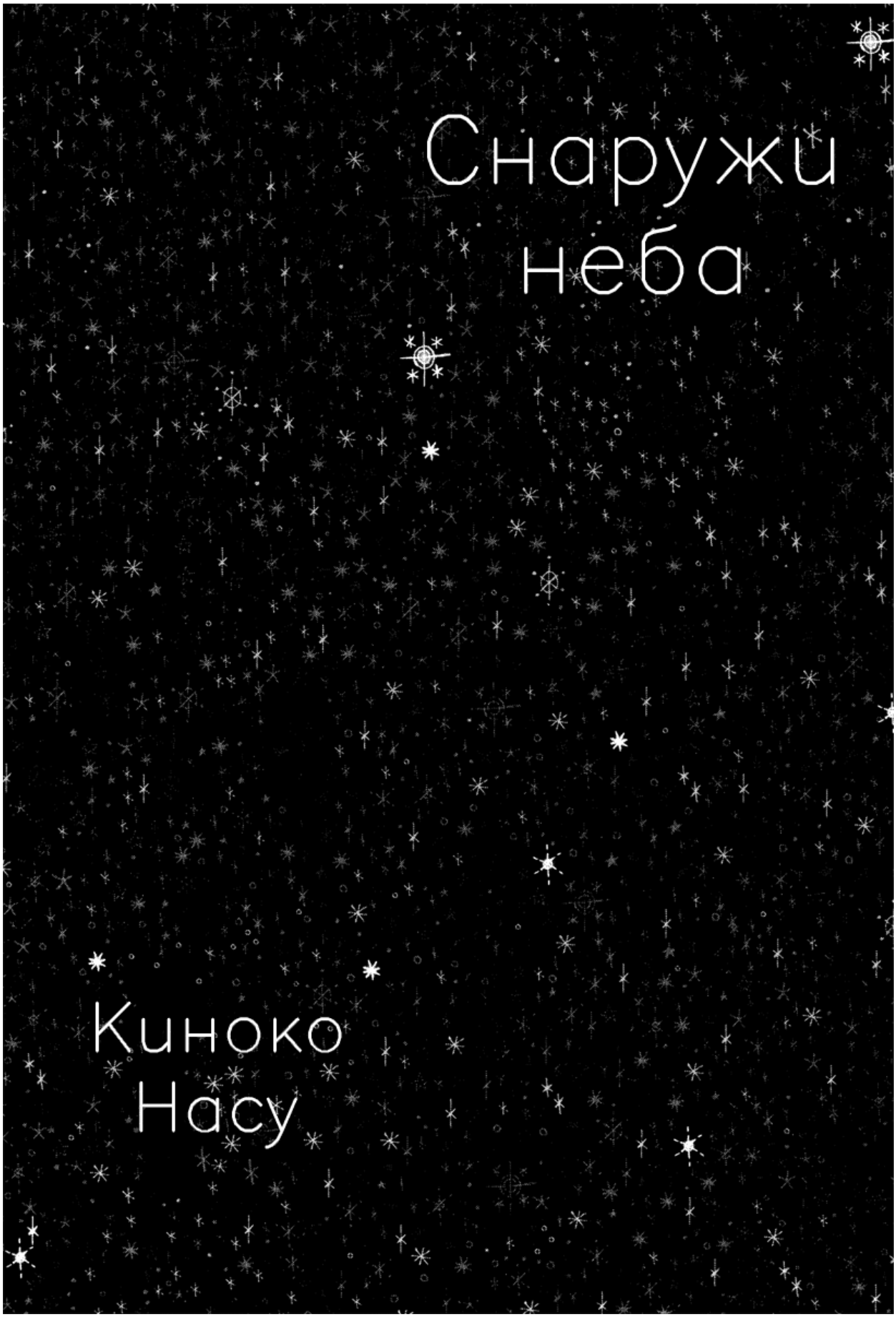
Происшествие 16 марта

(3/16 Jiken)

LivingFLCL

Перевод с японского: **Каэнс** Редактура: **Rosetau** Эдит: **Wishmaster Демон**


Снаружи
неба
Киноко
Насу

Снаружи неба

3.5/

Тр-р-р-р-р! Со звуком выстрелов автоматического оружия в землю впиваются иглы с указательный палец каждая.
Тр-р! Др-р!
Очереди игл дырявят землю, напоминая не столько трассирующие пули, сколько бешено вертящийся фонарь.
Беспрерывная пальба.
Шквальный огонь пулями, летящими на скорости 1000м/с.
И посреди этого я до сих поручение жива. Пляшу между снарядов, не останавливаясь ни на миг.
Сейчас я мчусь по материку Новой Евразии на скорости в 1500км/ч. Плотность и давление атмосферы здесь не те, что на Земле, так что превысить скорость звука совсем легко.
Через пару минут я миную пустошь и смогу атаковать их базу в поясе холмов.
Тр-р! Тр-р-р! Тр-р-р-р-р!
Они висят в километре надо мной, и такая снайперская точность говорит о немалом упорстве.
— Фух!
Ударив в воздухе ногой, кое-как уворачиваюсь от слишком удачной очереди.
Верхний пинок с правой блокирует град игл.
Скачущие с тонким визгом пули — клиновидные пчелиные жала. Чрезмерно большие, даже слишком. Какой там яд и анафилактический шок; такое тупо попадет — мгновенная смерть.
— У-уф!..
Снова разгоняюсь и наконец оказываюсь среди холмов.
Меня упорно преследует ливень огня. В наждачной бурой почве вырастают иглистые горы — тр-р, др-р-р!
Да, знакомо. Напоминает швейную машинку моей мамы.

Тр-р. Тр-р. Пиу-пиу-пиу. Мяу-мяу-мяу. Тр-р.
В сухой свист низвергающихся пуль примешивался посторонний звук.
Я озадаченно поднимаю взгляд и во второй раз на этой планете лишаюсь слов.
— Кошки?!
Как ни крути, это были кошки.
Сопровождая меня, в воздухе кружились метровые летающие химеры.
Правда, от кошки была только голова.
Тело ниже — пчелиное, иначе не скажешь.
— Н-не может быть, это уже совсем перебор! — ору я и врываюсь в пояс холмов.
Мне и Hello Kitty-то никогда не нравилась.
Стремясь расстрелять дичь, попавшую на их территорию, котопчелы др-р-р-ребезжат крыльями и с боевым мявом преследуют меня.
— Ай, ух, от так!
Как только я забралась на вершину горы, перед глазами развернулся панорамный вид.
Передо мной — огромная постройка размером с космический комплекс для запуска ракет, выглядящая более всего как дело рук человеческих, гигантская фабрика кошачьих консервов.
Не знаю даже, с чего начать в этом бреду.
Это кошки или, может быть, пчелы, да?
Без мозгов, а фабрику построили, ага.

Прилежно ухватывают в пасти набитые консервными банками вагонетки, двигаются строго по линиям, ни дать ни взять конвейер.
Как они это делают? Даже говорить не умеют…
Нет, не так. Что тут вообще творится?

Время — две тысячи пятый год.
Место — одна невнятная планета где-то во Млечном пути.
И я, третья по планетарному «кто вперед сотню убьет». Легко вздыхаю при виде кучки котопчел.

◆

Вот так все началось, но я не супероружие и не космический монстр, а простая девушка. Пятнадцатилетний невинный хомо сапиенс с третьей планеты Солнечной системы, жившая себе в префектуре С в Японии; премилейшее существо, о котором соседи отзывались только положительно: «Прямо как французская куколка!»
И вот такая я сейчас — на незнакомой планете веду разрушительную деятельность на зависть Лапуте, но это, впрочем, несущественное предисловие.
Откатимся от настоящего времени на десять минут…
Откатимся от настоящего времени настолько, что внутренние часы плюнули считать.
Откатимся в одну больницу.

1/

Два года назад меня приволокли в одну клинику, воздвигнутую в честь кого-то там. Болезнь называется настолько глупо, что не стану и говорить. Короче, такая заразная штука, когда ментальные неполадки влияют на телесные способности.
Мне было пятнадцать, когда я заразилась и тяжелобольной попала в ту клинику.
Больница находится в недоступных местах среди гор, и разрыв ее с окружающим миром такой, что, ну, представьте себе лунную базу…
Мягко говоря, это — исследовательское учреждение.
Честно говоря — просто тюрьма.
Этот наш пациентский, если привыкнуть к обращению с собой как с подопытным кроликом, эдем в этот день был начисто и сразу утерян.
Что тут скажешь, где тюрьма, там и побег. Где побег, там и буйства. Зря они все-таки собирали одних только зараженных. Чуть забыли дверь в палату запереть, и все, биокатастрофа.
Изменение, произошедшее перед рассветом, по клинике распространилось меньше чем за час, и запертые вместе восемьсот человек — персонал, больные из корпусов от A (в начальной стадии) до D (в терминальной), — опустились прямиком в картинный ад.
В одну кучу смешались милые звуки распарываемой плоти, вопли расплавляемых заживо, крики жертв о помощи. Я только-только отправила семье письмо, но насладиться приятными ощущениями не смогла.
Навострив уши, я различаю крики дежурных врачей, которые мне на удивление нравились. *Нетнетнет, спаситеспасите, зачтозачтозачто, бредбредбред*. Конечно, не мне судить, но как-то однообразно. Японский же славен как раз богатым словарем, нет?

— Алло. А? А что я? Ну, я у себя в палате. Как «почему»? Я еще даже не завтракала.

Среди ора и эха авральных сирен я поднимаю попискивающий и светящийся беспроводный телефон.
Мой корпус — D. Жуткое местечко, куда определяют безнадежных, поэтому охрана строже, а построено оно как лабиринт. Основной поток беспорядков сюда еще не докатился. Так, слышно в окно, как кричат жертвы. Хотя да, тридцатислойную железную стену проломить даже в корпусе D под силу, пожалуй, мне одной.

— Да, знаю. Мне слышно. Вы хотите, чтобы хоть я вела себя прилично? Ну-у, это сложно. Все были ко мне так добры, и я признательна, что меня считают принцессой… Но вы же понимаете, что спасать врачей — не мой стиль? Ведь после встречи со мной были только пострадавшие.

Поэтому, раз выгода кончилась, то и медовому месяцу конец.
Поднявшись с кровати, я с похрустыванием вожу плечами. Говорящий со мной замглавврача, тоже тот еще ценитель, поржал: «Ага, за это я тебя и люблю», — хотя его никто не спрашивал, и бросил трубку. Видимо, оставит на произвол судьбы своих добрых соседей и сбежит вертолетом.

— Гм, вот такие они, тимуровцы. Чем дальше вверх, тем больше гнили.

Не то чтобы я обижалась на докторов. Они постоянно ставили чужие жизни превыше всего, так кто их осудит, что сейчас их высший приоритет — они сами?
Но брошенная им напоследок фраза заставила мою грудь сладко сжаться.

«Ну, пока. Билась нечисть грудью в груди и друг друга извела».

— Ясное дело, блин.
Это мне в разы интересней, чем мстить клинике. Я быстрым шагом прохожу поперек своей палаты размером со спортзал.
— Так. Пойду-ка устрою большую уборочку.
Приставляю руку к железной двери — как раз мой размерчик: четыре метра ввысь, три вширь.
— На ста-арт, внимание-е…
Ай, неприлично облизнулась. Если бы шла запись с надзорной камеры, я покраснела бы, но это кино родня вряд ли посмотрит.
— Марш!
Железная дверь с визгом распахивается, и я выскакиваю в коридор.
Что ж, начала бег — торопись.
Потому что важные проблемы все время решаются в отсутствие главных участников.

↓

Долго ли, коротко, началась кровавая операция.
На выходе из специально под меня выстроенного отсека особой безопасности встречаю коридоры ничуть не меньшего ада.
Здесь в проходах нет ни единого окна, и они разделены, как точки на игральных костях. Едва пройдешь — тут же потеряешь все ориентиры; это, конечно, целенаправленная хитрость, чтобы тем, кто в палатах, не так просто было удрать.
Размышляя, к чему бы для начала приложить руки, я мчалась по лабиринту и нос к носу столкнулась с первым встречным.
— Ах, добрый день!
— Уй.
После вопросов я прибиваю первого встречного, чтоб неповадно было грубить.
Нашел такую юную девочку и «уй» ей вместо «здрасьте»! Сам он «уй».
Подавляя недовольство, я узнаю дорогу к следующей палате и сворачиваю ему шею. В таком духе и хорошем темпе продолжается мой обход.
Врач ли я? Ага, что-то вроде врача.
Если смотреть со стороны, только эта роль мне и подходит.
И я перехожу к следующему пациенту.
Увы, в конечном счете легкой победы не вышло.
Я одной рукой расправлялась с приблудными пациентами из C, но против приписанных к D темп, конечно, сбился.
У всех «наших» свои, уникальные проявления болезни.
Есть мужчина, пытавшийся вернуть свой проданный орган и в результате оказался погребенным на дне бассейна среди собственных расплодившихся органов;
есть парень, так испугавшийся раздора с возлюбленной соседкой, что остановил не то что ее, а свое и всех в округе время;
есть мальчик, с рождения физически не приспособленный есть твердую пищу и в итоге начавший растворять и есть жизни.
В общем, одни уникумы.
Такова наша болезнь — для одоления внешней ментальной травмы перестраиваем, а то и искажаем тела.
Скажем, есть пациент, у которого болезнь проявилась в связи с булимией.
Свою психическую болезнь, побуждающую есть в больших количествах, пациент сам излечил, расширив себе объем желудка.

В общем, при ментальной травме синдром пытается ее как-то телесно обойти, при этом оставляя травму как есть. Так вот все странно. Для пациентов корпуса D это зашло слишком далеко, и они самую малость отошли от человеческих канонов.
Я?
Конечно, я тоже заболела. Такая же терминальная стадия, не лучше и не хуже.
Ведь у меня даже сейчас не прекращаются изменения.
С каждой минутой мое тело отходит все дальше от былой меня.
— Однако что-то не то. Доктор же сказал, что двигаться могут только трое.
Если точнее, то только трое пациентов корпуса D должны были сохранять человеческую личность: я, эта Хильмия и еще тот Курамицу.
Остальные сорок, как мне сказали, не в том состоянии, чтобы самовольно покинуть палаты, но, включая грубиянку, включая игравшего в обзорной комнате с охранниками мальчика, все вольно и без разбора спускают накопившийся пар.
— Ну и как теперь?.. Обзавелась та-аким редким симптомом, а эти сами по себе разумирались.
И вот я легкими шагами эффективно обхожу палаты.
А то обидно же, такая еда протухает зря.
Может, это мой последний и решительный бой.
Может, это война за выживание, где ставка — честь.
Нас выперли из общества, но именно поэтому изгнанников хотелось бы расставить по ранжиру.
— Хотя, конечно, результат слишком предсказуемый.
Это доказательство скуки, вот и все.
Сие соревнование не особо важно для меня, до сих пор лениво проводившей дни в палате.
На самом деле у меня другие цели, и это все совсем не относится к делу.
Поэтому надо торопиться. Геноцид — это так, хобби. Мне сразу сказали, что я не смогу выйти из этой клиники, не разобравшись со всеми остальными пациентами.
— Гм, где же я еще не была…
Сверяюсь с выученной наизусть картой из комнаты надзора.
В воображении гаснут красные лампочки.
Последняя непроверенная палата — №404, она дальше всех от выхода, что в корпусе C.

↓

Смотрю на номер и стучусь в железную дверь. Бам-бам-бам-м.
— Извините-е, чисто для проформы — у вас там воля к жизни есть?
Бам-бам-бам-м. Ни ответа, ни привета.
Я посмотрела через глазок, внутри совершенно темно. 404-й — уникальный номер. Срок дела давно прошел, никаких документов не осталось.
Внутри ни зги не разглядеть.
Коридор хорошо освещен; может, конкретно в этом помещении отключено электричество.
Значит, придется силой открывать электронный замок. Бам-бам-бам-будум-бдым!
— Ау-у! Хотя я не против, можно не отвечать. То есть вас вместе с комнатой разнести, о’кей?
От легкого стука перехожу к позиции пробивания прямого с массой тела.
И тут интерфон пшикнул и завелся.

— Не выйдет. Исчезни. Никто не может меня победить.

Машинный голос!..
Да еще, глянь-ка, каким безразлично-крутым приказным тоном! Такое прощается только Темным властелинам!

— Никто? А я? Я многого не ждала, но на звук ты сильный!
Будум-будум-будум-будум. От радости я долблю в железную дверь. Все как у всех, десять сантиметров стали, раз плюнуть…
— Угу, то есть выходить ты сам не хочешь? Ведь нет? Ведь все врут, что ты там смирно сидишь? Ведь ты и в следующей жизни не скажешь, что сдашься властям?
С таким ответом фиг я его помилую. «Наши» должны иметь волю быть против, иначе нельзя.
— Ну, можно? Уже можно? Можно входить, да?
— Оставь. Не входи. Моей силы тебе слишком много. Если ты зайдешь, то точно пожалеешь.
Эй, мне уже офигенно интересно!..
Бу-бу-бу-бу-бум-ба-ба-ба-ба-ба-бам-блям-блям!
Мои конечности били не сдерживаясь. Словно в горячке, я колочу и пинаю такую маленькую дверку.
Как и большинство железных дверей, та, что с номером 404, быстро теряла форму, теряла, теря… ла?..
— Ой.
Какая-то подозрительная во всех отношениях комната.
Не то что не искаженная, а вообще нетронутая. Просто неосвещаемая тьма. Кстати, мои глаза вполне нормально видят инфракрасный в любой темноте, да и вообще, почему здесь отключен свет, но работает интерфон?

— Не ради себя, но ради тебя говорю. Если дорога жизнь — не входи в мой мир.

— Ха.
Кладу руку на ручку сдвижной двери.
Уголок моего рта вздымается самым злодейским образом.
С этим снисходительным вызовом пропали все сомнения.
Не победить? Мне? Да еще и жизнью дорожить? Обсмеяться. Щас слезу пущу. За эти два года мне никто такого не говорил всерьез.
— Как кстати! Ну, сделай, что можешь!
Бросив ломать дверь, я с силой двигаю ее вбок.
Передо мной раскрылась стена из тьмы. Я все так же восторженно пялюсь внутрь и без всякой боязни делаю шаг.
— А?..
Изнывающий от горячего желания убить обладателя машинного голоса, мозг вмиг застыл.
Самый жар, что заставлял сердце пританцовывать в предвкушении смертоубийства, превратился в пепел под дождем. В конце какой-то всего одной секунды я…

— Говорят тебе — не входи в мой мир.

…была буквально выброшена в открытый космос.

◆

В разных видах научной деятельности определение космоса отличается, а я не могу играть смыслами и коннотациями. Я как человек могу опираться только на информацию от органов чувств. В космосе невесомость, вакуум, суперхолодно и — вообще все небо вокруг испещрено звездами, бесконечное море огней.
Звезды сияют самым разным светом.
Звезды, рядом с которыми земное Солнце выглядит малышом.

Млечный путь далек, но по сравнению с видом с Земли он в тысячи раз ближе. Вот так, что прямо остается руку протянуть.

Забываю дышать от сияния, от бездонности.
Это — мир богов.
Не место для существования одного живого человека.
Звездное одиночество — это, наверное, сейчас про меня. Дух человека, зависшего в одиночку в этой сверкающей черноте, не выдержит такого пространства.

А вообще, тут как бы широко, но как бы тесно… дышится хуже, чем в запертой однокомнатке в пять с половиной татами…
— Кислород!
Настоящий ужас космоса вернул меня к реальности.
Нет, я тоже бывала и в печке, и в морозилке, но ощутить полную пустоту еще не доводилось!
Щиплет глаза. Влажным участкам тела холодно.
— Ай, ой, э-э-эй!
Дыхание! Кажется, надо задержать дыхание?!
— Уф!..
Нет, наоборот, похоже, от задержки кислород в легких застаивается! От разницы давлений меня не разрывает, руки-ноги от холода не немеют, но если застрянет кровь, хреново мне — мне лично! Похоже, надо дальше выдыхать, а то прости-прощай, милый Пятница, но ведь тогда кислорода мозгу хватит секунд на десять, а потом кислородное голодание и полный ислам.
— А-а, эй, что за!..
Короче, некуда деваться.
Я посреди всей этой невозможно-недосягаемой красоты секунд через двадцать скончалась, а потом…

— Тьфу. Опять успел.

…через тридцать секунд открыла глаза и ожила.
Похоже, моя болезнь нескончания одолела и вакуум.
В мой первый космос мне было немного прохладно, я практически летала за облаками, а еще почему-то слышала собственный голос.
Очень не хотелось пробовать, смешно выглядит, но я сделала пару движений руками, как будто плыву кролем. Ой, двигаюсь, двигаюсь. Как рыба в воде, только лучше, чем в воде, и не рыба… Так, оставим в стороне вопрос, кто чокнутый – я или космос.

— Ч… ч-ч-ч-ч-ч, ч… А-а-а?!

В ненастоящем вакууме волнами накатил странно изнеженный мужской голос.
— Что происходит?..
Фшум, фшум, фшум!
Ко мне с шести часов подлетает странное нечто.
Выглядит оно точь-в-точь как обычное татами…
— Ого-о-о-о! Это девочка-а-а-а-а-а-а!!!
И, как ни выбирай эвфемизмы, толстяк, что твой снеговик.

Космос внутри больничной палаты.
Татами-НЛО, пародия на ковер-самолет.

Да впридачу кто-то за тридцатник и настолькко жирный, что это слово звучит преуменьшением.
— Ни фига ж себе-е! Должен же типаж младшей сестры иметь пределы! А, а ты вообще почему живая? О, ты там случаем не дышишь? Ты не полигональная? А хотя какая разница! Главное — грудь, и руки, и ноги, и лицо, и голос, и волосы, и попка, и еще грудь есть — значит, страйк! Будь ты хоть звездой — никаких возражений!
Снеговик сходит с ума, как школьница былых лет, и я неосознанно хмурюсь.

Так я встретилась с сильнейшим во Млечном пути нитом[1], он же Пандище-Глазищи, он же Оокуманеко Мокумоку.
Между прочим, копирайт на клички принадлежит мне.

↓

— А красивые у тебя волосы, ничего не скажешь! Черные, ниже спины! Эх, я уже почти влюбился!
«Дхах-хах-ха», — хохочет и прыгает вокруг меня дядя Два Снежка.
…Вот он и есть Пандище-Глазищи. Самый старый пациент корпуса D. Даже врачи не видели его, ну, или как-то так.
Задокументированы только его бредовое имя, возраст и совсем печальная причина попадания в клинику.
— Это ты — знаменитый хикикомори? Который тут пациент с шестнадцати и вдвое дольше — тварь дрожащая от реальной жизни?
Блин, дайте я его убью?
— И-мен-но! Но нехорошо сразу забивать на хикикомори! Берлога, летаргический сон — это обязательные знания для жизни, сколько раз повторять. Да-да, я больше не потерплю отказа пещерному медведю в человеческих правах!
Какие еще человеческие права у медведя?..
— Так, стоп… Извини, я уже спокоен. Просто был в восторге от первой гостьи. Но это тоже ложь. На самом деле я до сих пор в нем. Ты же офигенно эротично одетая!
Снеговик скачет по космическому пространству.
— Фью-у, у тебя сверху — пыщ, снизу — пыщ! Это что, спортивный лиф? Гетры? А девочка созрела-ня? Или ты идешь из фитнес-клуба? А-а, черт, что ж так темно и ни фига не видно-то!
Я помалкиваю, и прикидываю дальнейшую траекторию НЛО.
Конец этому типу придет, как только оно снова появится сверху слева от меня.
Кулаком как-то не то. Я всю душу и тело вложу в пинчище с правой, чтобы эту «пыщ-пыщ» тушку разметало напополам.
— Ну же, созведие острова Эроманга, подсветите шоб порещще! Во, так годный угол. Но я хочу лучше видеть подмышки-ня! Так, звезду Весов сюда, крути вниз и влево!
Вспышка!
Атака на зрение?! Перед нами появился спутник, до недавнего времени скрытый в тени большой планеты, и отразил свет Солнца. В метко нацеленном конусе света я неосознанно зажмуриваюсь.

— Ой, а-а-а-а-а-а?!

Ну да, я все равно дала ему хорошего пинка.
Мясной снеговик тонет в серебристом вселенском конфетти.

---

[1] NEET, «Not in Education, Employment, or Training» (англ.) — термин, обозначающий безработного человека, который в то же время не учится и не интересуется реальной жизнью. Синоним «хикикомори».

Хикикомори, который так внезапно появился, наболтал чего хотел и натворил чего хотел, отныне исчез среди космической пыли.
— А вот и нет, я пошути-ил! Не срабо-отало!
Ч-ч-ч-что за фигня?
Я точно ему влепила, так почему эта тефтелька смеется и скачет?! Это не суперскорость и не суперрегенерация, ничего такого добренького!
— Ах ты-ы-ы-ы-ы-ы!
Размахиваю ногой, которая бьет насмерть.
— Ого-го-о, ноги длиннющие-е! Клева-а!
Недопанда восторженно бесится и скачет вокруг меня. Он меня честно и много чем достал, я просто хочу его убить, а он!..
— На, на, на-а-а-а!
Чтобы, такой, обожравшийся, пеликан, меня, измотал!..
— Эй, алло, что за фигня?!
— Ха-ха-ха, что же за фигня-ня-ня?
Пандище ехидно ухмыляется на фоне парочки созвездий.
Я лупцую ему в отвислое пузо, но Оокуманеко невредим. Бред. Я попадаю, так почему ему не достается?!
— О-о, пронесло. И ваш собеседник обходит сзади. Ох вау, талия осиная-я! Я не могу!
Да уж, не чета тебе!
— Ух какие ножки нямные! Ты же специальный гибрид для отправки мужчин в ад!
С твоей запущенностью!.. Не!.. Сравнить!
— Но-о увы! Ты, милочка, старшеклассница? Мне старушки не нужны-ы!
Так.
— Срочно умри!
— Ха-ха-ха, не могу-у!
Подгадав идеальный момент, я разношу в куски его рожу, череп и всю тушку по вертикали.
Но меня снова ждала неудача.
…Очень не хочется, но придется признать.
Непонятно, по какой логике, но этот мужик, похоже, физически непобедим.
Но и он кое в чем не прав.
— Имей в виду, мне в этом году семнадцать.
Фактическую ошибку нужно исправить.
— А? Правда? Не, все равно переразвитая… Однако вот какая у тебя болезнь, прости, прости. Тогда я тоже поделюсь секретом, в плане извинений. Что ты хочешь знать?
— Расскажи, как тебя убить.
— Ха-ха, святая простота! Но это не получится, я сам не знаю, как меня убить. Понимаешь, пока я в этом космосе, космические правила не допускают моего уничтожения, что ты ни делай.
— А? Че? Ты хочешь сказать, что непобедим?
— Ну, да, принципиально верно. Неуловимый Джо, да?.. Как бы это сказать, этот космос плевать хотел, есть я или нет. Я никак с ним не связан, никакого взаимодействия. То есть вообще пофиг. Он на меня ни одного планка энергии не тратит… Так вот, раз уж и ты сюда попала, это правило естественно распространяется и на тебя. Атакующее воздействие на меня от всевозможных феноменов не допускается. В общем, я тот самый Неуловимый Джо, который не то чтобы крутой, просто кому он нужен?
— Не поняла.
Он что, не просто себе бесполезный трутень общества, а еще и без царя в голове?
— Не нужны мне твои софизмы. Короче, что, collision detection выключено?
— Точнее, наверно, что я выпал из сансары. Поэтому меня не убить. И мне тебя не убить. Шахматная ничья как она есть.

В общем, похоже, кто-то вытянул проигрышный билет эпических масштабов.
Не знаю, правду ли говорит Оокуманеко, но я поняла, что не могу его уничтожить.
— Хм, куда это ты? Туда не лети, там три черных дыры подряд. Может, и есть смысл посмотреть, но не такая уж это и редкость.
— Делаешь тут что хочешь. Не знаю, как тебе удается, но мне с тобой не по пути. Некогда терять время на типов, которые только сидят и…
А? Я вроде бы зашла откуда-то отсюда… Хм, хм-м-м-м?
— Эй. А где выход?
Неприятная истина.
От отвратного предчувствия мне стало страшновато, и я спрашиваю про дверь у горы мяса за спиной.
И вот панда на татами говорит:
— Прости, на это тоже не отвечу. Нет здесь выхода. Ты хоть умри, а не уйдешь. И с этим даже я ничего не смогу поделать. Э-эх. А ведь я говорил не входить…
— Т-ты что такое говоришь, что за бред! Это ж твоя болезнь, или как?!
— Ну да, вот тебе и ответ. Я же сюда потому и попал, что у меня неизлечимая болезнь. Я полностью сам себе злобный буратино. Э-эх. А ведь я говорил не входить, just sayin' a second time.
— Ах ты! Срочно выпусти меня, панда сраная!
— Ха-ха-ха, не-а!
Фью-у! Похожее на белую комету НЛО удирает.
— Э, ну-ка стой! Расскажи что-нибудь более полезное и тогда вали!
Я нервно пинаю вакуум под собой, чтобы не дать ему уйти.
Хм. Так ведь у меня быстрее получается двигаться, чем вплавь.
— Чего?! Рождение способа межзвездных путешествий быстрее моего татами! Круто, концепция милой девочки — это круто! Да-а, ты все-таки опасная самка! В основном в смысле телосложения! Кстати, остальные проблемы мне по фигу, но титула быстрейшего в космосе я отдать не могу! Надо тебя исчезнуть.
И вот Оокуманеко встает в наглую позу на своем татами.
— Что, мы разве можем взаимодействовать?!
Гонюсь за сбегающим нитом изо всех сил. В данном случае приятнее не бежать, а ритмично прыгать.
Отталкиваясь от небес, я кажусь себе водометным судном.
— Ха, я тебе скажу, что ты дура! Я извращу всю макрофизику в свою пользу! Получай: Метеоропад! Шучу, шучу-у, я так не умею-у!
— Хе, так я и дума…
Бдыщ.
Мне в переносицу врезалась комета.
— Кх-х, умеешь же!
— Я просто знаю траектории небесных те-ел! Однако мне по-серьезному страшно! Ты осознаешь, что только что продемонстрировала, что ты в этом космосе крепче, чем Земля?
В сильном возбуждении Оокуманеко ловко курсирует между поясов астероидов — рифов Млечного пути.
Что-то все вдруг показалось таким ненужным. В данной, слишком уж, если совсем успокоиться и подумать, сюрреалистичной ситуации как-то глупо увлекаться.
— Хм? Что, мы не играем в догонялки? А дальше пойдут восхитительные места, где можно наблюдать кучу звезд, они как морская пена. Я их зову Медовым Путем, если что.
— Верх оригинальности! — я вздыхаю и разворачиваюсь на пятке.
У меня нет времени гоняться за сверхжирной порцией тефтель.
Моя цель не здесь. Опять же, вдруг я вернусь в район, где вошла, постучусь кулаками во все, что попадется, и смогу отсюда выйти?
— Да не получится. Я же сказал, кто сюда попадает, тому назад пути нет.

— Заткнись. Согласна на что угодно, только бы не застрять в таком месте.
— Ишь, нервная. Тебе что-то срочно надо, что ли?
Я возвращаюсь тем же путем, вокруг меня витает пандище на татами.
— Да. Поэтому умри уже. И тогда нормальная комната вернется на место, так ведь? — бросаю я, уверенно топая над такой маленькой Солнечной системой.
Не знаю, какие у Оокуманеко симптомы, но в основе все должно быть как у остальных пациентов. Десятки разных фантомов, вызванных болезнью, возвращают реальность со смертью переносчиков.
— Ага, наверно. Пожалуй, мое исчезновение и есть ответ.
— Вот и умри. Все равно тебе нечем заняться. Прятаться от мира на том свете самое то.
— Суровая ты. Но погоди. Вон там, смотри, двойная звезда. Там редкий для этого пространства вид с разумом, но они уже почти век друг на дружку косо смотрят. И вот они напрягли свои ограниченные извилины и додумались до войны. Жалко их, надо решить проблему…
— С покровительственными речами иди на бочку. Мне надо решать свои проблемы *с семьей*.
Из-за всей идиотской ситуации я сказала больше, чем нужно.

Оокуманеко удивленно хмыкнул и вытаращился на меня.
— Прости уж, что уровень не тот.
Извиняюсь, чувствуя, что от стеснения греются щеки, и иду быстрее.
А он вместе с татами сделал бочку, после чего перестал витать и сказал:
— Угу. Это большая проблема.
Сжал, выпрямил траекторию полета.
— А не хочешь отдохнуть? Постоянно злиться — это выматывает; давай я тебе устрою воздушный круиз! Или безвоздушный. Ну, я не могу показать выход, но могу показать места.
— М-м…
Я резко останавливаюсь.
Мне хотелось сказать ему, чтоб заткнулся и сдох, но и правда тяжело переломить статус кво, ломая все напропалую.
Так я на редкость внимаю чужому мнению.
Ну да, если честно… это еще и потому, что он сейчас ведет себя чуточку похоже на моих родных.

2/

Ну, раз определились — включаем режим бесед ни о чем.
Это мне не очень-то по вкусу, но надо же застолбить место для отдыха, если можно так сказать.
— А чуть на бок можно? Устала стоять.
— Мня?
Я тыкаю пальцем в татами-самолет.
Оокуманеко, совсем не привычный к женскому полу рядом, с напряжением и вопросом на лице тыкает пальцем в себя.
— Да не тебя, а это вот боком развернуть. На татами же могут сидеть двое.
— А… а, конечно, могут! А ты уверена? Точно? Тандемом? Тебя прикалывает моя машина?
— А что делать? Других скамеек здесь не видно.
— Ни-че-го-се-бе! Уо-о-о-о, вот это поворот, ну что ж почему нет разрешаю смело садись! Давай, левая половинка твоя! С такой милой девочкой не должно возникнуть дипломатических конфликтов!
— Спасибо. Правда, я ни вот настолечко не благодарна, но понимаю твои эмоции.
Говорю «пардон» и сажусь рядом с Оокуманеко.
Владелец татами отдернулся на сантиметр вправо.
— Вах, офигеть расстояние касания каким-нибудь плечом при каком-нибудь резком торможении! Следует ли ожидать физических происшествий уровня причины ледникового периода?!
— Ну, можешь ожидать кровавых дождей, если устроит. А что, татами вообще плюет на инерцию и прочее?
— Ай, холодно! Это плохая постельная сцена! Но такое отношение ты себе можешь позволить только сей… час!
Предсказуемо возбужденный Оокуманеко поднимает скорость своего татами. Похоже, и впрямь решил сделать тур по этому космосу.
— Для начала слетаем посмотрим на удачно получившуюся систему-другую. М-м, скажем, стандартные точки вроде целиком стеклянной планеты, вроде романтично. Хотя занятно, там такая плоская поверхность, что у всякой живности растут колеса.
Видимо, штурвал у татами на стороне Оокуманеко, справа.
С ленивым взором он стартовал и направил космический корабль в дальние миры.

↓

На триста шестьдесят градусов обзора простерлось море из звезд.
Сама ситуация, пожалуй, вполне романтична, да.
Потому что я неординарная, конечно. Нормальному человеку такого одиночества не выдержать.
Как ни крути, мы выброшены в ночное море на маленьком плоту. Хоть какие здесь виды, а человеку нужна гарантия личной безопасности, чтобы он стал смотреть на них.
— М-м, все-таки вдвоем здесь ощущается простор. Наверно, твое присутствие пошло в плюс. Мы еще не долетели, тебе ничего не хочется узнать? Скажем, мое хобби, моих любимых авторов, мой любимый тип девушек.
— Слушай, это вообще что?
— Ну, выглядит как космос. Слыхала про такой?
— Ясное дело, что космос. Я к тому, откуда оно взялось. Я много наших повидала, но такого масштаба ни у кого не было.
— Да? По-моему, у Ясикидо-кун проблема похуже. Впрочем, когда я оказался в клинике, там только он и был, так что не знаю.

— Ясикидо я недавно убила. А что, старый знакомый?
— Когда я был приписан к В, мы с ним один раз говорили по телефону; это значит «знакомый»?.. В то время и мои, и его проявления болезни были обычными. Мы поспорили, кто умрет раньше.
— Извини. Тут Ясикидо победил.
«Как знать?» — радостно улыбнулся Оокуманеко.
Сзади сбоку его взгляд выглядел невероятно мягким… И вообще, наружные уголки глаз делали его взгляд супердобрым.
— Так откуда оно взялось?
— Да та-ак. Просто я запирался от всего, и комната стала космосом. Я старался ни с кем не видеться, и комната стала темной. А потом как-то вдруг заметил, что вишу в вакууме. «Вот такая печаль», — сложил он руки на груди.
Заметить, как совсем один торчишь посреди космоса. Да уж, печаль немалая.
— Хм-м. То есть средство спасения искал не в себе самом, а в окружении. Значит, все-таки ты его создал?
— Если говорить о самом начале, то да, получается так. Но это не значит, что все так просто. Оставим спор о реальности и вымысле — здесь получился космос. Ты меня извини, но как только тебя сюда выбросило — все, занавес. Это место уже за пределами твоей планеты. Какой там «выход», ты уже вовне.

Я вошла в палату №404.
В ней был замкнутый мир.
Мне достаточно покинуть палату №404, чтобы вернуться к реальности, но внутреннее пространство 404-й находится снаружи и вкруг Земли. По определению «выхода наружу» выходит, что выхода из этого пространства просто нет.
— Потому и говорил не входить, да? Блеск. Давай объясняй подробнее.
— Прости, лучше я не скажу. Мой космос слишком далек, чтобы объять словами.
Оокуманеко театрально вздернул двойной подбородок и хмыкнул.
— Фразу от дедушки услышал?.. И сколько людей уже стало жертвами этой комнаты?
— Не знаю. С десяток?.. Все, кто приходил обследовать, тут же умирали! То, как ты зашла и как тут живешь, — это юмор высшей пробы! Кабы знать, что такой день придет, сделал бы домашнее кафе с оформлением под галактику!
— Ну-ну, а вот мне вовсе не весело, если что. Итак. Вот ты говоришь, что это и есть «снаружи»; это значит, что пространство бесконечно? По ту сторону космоса не будет выхода из комнаты?
— Хм, не зна-аю. Вроде поначалу были какие-то стенки. Но космос с момента появления сам по себе расширяется… Я думаю, нельзя развить скорость выше скорости расширения вселенной.
— Значит, наружу наружи выйти нельзя?
— Предел четырехмерного континуума. Нам ничего не остается, как стать новыми Адамом и Евой! Ай, спиной чувствую угрозу уровня черной дыры!
— Ты же сам всему причина. Зачем тебе нужен расширяющийся космос? Ты хикикомори, так и сидел бы в четырех стенах на пяти с половиной татами и страдал в свое удовольствие.
— Ну, тут уж, увы… Космос тоже существо. Он рождается, расширяется, а однажды схлопнется и умрет. Расширение — необходимое свойство космоса. Я могу только наблюдать, как вот сейчас.
— Тем не менее, ты вроде бы поддерживаешь этот космос?
— Смотреть кто угодно может. Это как смотреть на бактерий в микроскоп, только не микро, а макро.
— То есть что-то очень маленькое смотрит на что-то очень большое?

— Ну да. Или мы смотрим на маленький космос, сами будучи чуточку больше. Может, этот космос и очень маленький, но он космос, а потому для нас огромен.
Фи. Как ни верти, а выходит маленькая бесполезная штучка. Скукота.
— Так это в общем-то софистика! Все как у других пациентов. Сколько лет ты уже убиваешь время?
— Злая ты! Когда меряешь свободное время хикикомори, потом остаются только кости! Намекаешь. чтоб я худел?!
— Худей.
— М-м, ну да, по внешнему времени твоей недавней реальности — лет с десять, наверно. Кстати, как там сейчас теория мироздания? У Большого сжатия все так же мало поклонников? Темного потока какого-нибудь не открыли?
Так мои слова остались без малейшего внимания. Может, он не понимает, что значит «сбросить вес».
— Да ладно, подумаешь, нечем заняться, подумаешь, жир, подумаешь, трагедия! Здесь только мы с тобой, какой прок следить за обликом! А вот ты могла бы быть помилее в соответствие годам, но беда-беда. Почему ты такая старая?
— Сдохни!
Со скоростью света в затылок Панды влетает удар сжатыми кончиками пальцев, известный как «spear hand».
Между прочим, в данной вселенной «скорость света» — никакая не гипербола.
Если масса моей ладони разовьет скорость света, ту же Землю разнесет с легкостью, но жирная туша передо мной не обращает внимания.
— Гр-р… Этот мужик — свежий пудинг, что ли?!
Непобедим. Воистину непобедим. От плана убийства этого трутня и возвращения с огромным сожалением придется отказаться.
— Ха-ха-ха, ты меня смущаешь этими своими комплиментами, «кругленький» там… О, вот мы и прибыли. Вот, отроковица, узри же. И воспрянь духом. В этой солнечной системе масса солнца где-то втрое больше того, под которым ты жила. Это самая похожая на твою вселенную система.
— Эй! Чего распавлинился, сэр, что… ли…

Я забываю дышать.
Раскрываю глаза так широко, чтобы они точно сохранили память об этом свете навсегда.
Там была витрина с чересчур детальной моделью.
Обращение планет вокруг солнышка посредине.
Подобная моей вселенной, являющая собой наши сбывшиеся грезы, родина и поднятая целина.

— Неплохо, да? Это радужно сияющее — самое большое во вселенной кольцо.
«Ага», — помимо воли я роняю слезу.
Да, этот космос прекрасен.
Пусть даже рукотворный, пусть в нем что-то фатально бредово, сам космос — чудо, превосходящее человеческое понимание.
— Но твое присутствие меня так раздражает, что счет на удивление равный.
— PO·CHE·MU! — зрителя на татами аж переворачивает.
Ну, я сама не знаю, почему, но, разговаривая с этим человеком, я не могу сохранять спокойствие.
Не то чтобы он раздражал, скорее, я не могу примириться, и как-то чешется под мышкой, и как-то нос заостряется.
Может, я так офигеваю с себя, толерантно думающей, что и таким людям есть место?
Что противно, то противно, что не нравится, то не нравится.

А ведь когда я осознала свою болезнь, то решила измениться так, чтобы никому и ничего не спускать.
— Слушай. На этой землеватой планете есть жизнь?
— Есессно. На нас они похожи тем, что прямоходящие на своих двоих, есть пара рук, полагаются на речь. Только они интроверты раз в пять тыщ почище нас.
— Для шутки слишком подробно. Это случайно не копия нашего космоса?
— Как мо-ожно! Кому же удастся за какие-то десять лет создать модель целого пространства аксиом? База та же, но в целом все от балды. А главное, в этом космосе нет ни зависти, ни скорби. Это молчаливый космос без конфликтов.
Жирная панда преисполнен сияния добра и любви. Он выглядел до глупости убедительным.
— Ну, это…
«Наверное, так», — чуть не сказала я, но спохватилась.
Что это было? Подозрительно, проповеднически, дурно пахнет! Чего это я растрогалась и почти согласилась?!
— Нет, но…
Можно бы сказать, что и это тупо, но если каждый раз все гневно отрицать, это будет тупее всего.
Буду просто игнорировать все-все. Ведь ни болезнь этого человека, ни его досье, ни побег из вселенной, ни моя цель не стоят и ломаного гроша, можно просто взять и забыть всю историю, ха-ха-ха! Вот какое сатори мне почти уже открывает чакры!
— Шуткашуткашутка! Фигня, мне совсем не весело!
Даже страшно ощущать, с какой дикой скоростью очищается мой дух!
— Ничего, о дева. Можно быть невеселой. Можно не ходить на работу. Можно закрыться от мира, и это хорошо.
Оокуманеко еще больше засиял, улыбаясь как Джоконда.
Блин, так это ж у него солнце за спиной сияет, кидала проклятый!
— Ого-о-о-о, фигасе, в этой вселенной все кажется таким мелким, становишься снисходительной!
— Ха-ха-ха-ха-ха, аз есм Бог!
Восседающий аки Будда сияющий человек-тефтелька.
— Заткнись, жирдяй, не бывает таких богов!
Понимая, что толку не будет, я все-таки на автомате встаю и заношу ногу для пинка.
Размашистая «вертушка» в корпус и на этот раз проходит сквозь Оокуманеко… э, что?
— Что-о-о-о-о!
Снесенный с татами, пятицентнерный хикикомори улетает в солнце.
— Он еще жив?..
Впервые в жизни меня посещают угрызения совести.
Я совершила крайне бессмысленный шуточный ответ.

◆

— А вот и я-а!
Улетевший к солнцу Оокуманеко отскочил и вернулся.
Повреждений ноль. С сонной рожей чешет свой трехступенчатый живот.
— Так и думала, что этим кончится.
— Ха-ха-ха, не унывай, о дева! Снаружи это был бы сильнейший на планете крутой пинок с разворота, просто здесь такое совсем не работает! Но ты смогла меня тронуть, и это немалый шаг вперед… в межполовом смысле, конечно.
Оокуманеко надул щеки, как рыба фугу. Он думает, что цинично усмехнулся.
— Фу.

Новый пинок вжикнул и прокрутился впустую. В прошлый раз то ли с углом повезло, то ли с настроем, а то ли чудеса вероятностей.
— Что ж, со временем и такое случается. Может, совпали наши восприятия друг друга.
— В смысле — важно поймать верный момент?
— Угу. То есть ты не смогла остановить проявление садистской любви ко мне, а я не удержался от соблазна извращенно-мазохистского наслаждения, и вселенские законы сместились в плохую сторону! Вот оно, чудо любви!
— А-а… Значит, это было одноразовое чудо.
— Ку-ул! За один-единственный пинок ты стала прежней! А ведь была так прелестна в миг соответствия возрасту…
Тефтелька с сожалеющим видом занимает свое место справа на татами.
Места на миниатюрном космическом корабле закрепились за экипажем, и на данный момент число территориальных нарушений: 0.
Плывущий среди звезд мирок в одно татами, как и говорил Оокуманеко, был лишен всяких свар… ай.
Ой-ой-ой.
Ай-а-а-а-ай!
— Ай, мне что-то в плечо влетело! Как молотком! Ты точно можешь только себя трогать?!
— Что?! Ну да, ты такая сверхсильная, что это может быть, но мне вроде бы незач…
На этом месте и ему, сидевшему с театральным ужасом на лице, в ногу влетело что-то непонятное.
Небольшая взрывная волна и тряска.
Обернувшись в направлении источника света и атак, я увидела, наверно, космический корабль, только здорово напоминающий сосновую шишку.
— Что?!
Поправка. Три огромных спутника в форме шишек и по три тысячи километров в диаметре атаковали татами. Для сравнения, диаметр Луны — три тысячи четыреста семьдесят шесть километров.
Расстояние до них — полсотни миллионов километров. Даже меня передергивает от мысли об обстреле, попадающем на таких дистанциях.
— Лучи! Они лучами стреляют, наверно!
— Хе, какая редкая штука! Нас обнаружили! Понятно, очевидно, кто-то заметил, как я недавно летел в солнце!
— Чего?! Всего минуту назад же! И так быстро среагировали?!
— Для этой системы прошел век! Давай драпать, держись! Я-то ладно, а ты как раз в их законах!
Неизвестный луч атакует вновь и вновь. Да, больно, когда попадает.
— Согласна, но насколько именно «редкая штука» все это?
— Ну, не настолько, как внезапно появившаяся ты. Думаю, настолько, насколько редко персонажи написанной тобой книги приходят тебя убивать.
— Это не редкая, а невероятная штука!
Бам-бам-бам.
Шишкорабли рассекают синий космический поток и целятся в меня.
Ай, зацепила! Только что здоровенная, с Юпитер, ломкая космическая мина зацепила меня!
— Ух! Как галактическая железная дорога!
— Ты вообще не похож на Тецуро!
Татами удирает чуть быстрее, чем преследуют космобойцы.
Оокуманеко чему-то радостно улыбается.
— И вообще, в этмо космосе же нет войн! Почему они атакуют?!
— Чтобы выжить, разумеется. У них нет оценок добра и зла, нет личных эмоций. Защитные спутники, так сказать, рефлекторного реагирования с возможностью

автоматически исправлять программу. Они не за тем конфликтуют, чтобы выжить самим…
— Вообще, — продолжал он, — конечно, конфликты, войны, выживание — важный элемент определения жизни. Твой «конфликт», кажется, имеет в виду битву на выживание по личным чувствам. Нехорошо быть такой эгоисткой!
— Ну извини! Я мне важнее всего! И вообще, ты же породил эту вселенную! Это же бред, когда Бога щемят сотворенные! Если полупрописанные персонажи будут устраивать бунты, во всем мире просто не останется писателей!
— Да ладно. Творец не неуязвим. Если ты в другом измерении, вряд ли это дает тебе право прикидываться Богом. В мое время к этому пределу еще не пришли, но в твое время наверняка уже львиная доля общества на софте. Если общество поддерживается на сделанном из математики и абстрактных символов, то как раз вы и окажетесь ненужными.
— Опять бредятина какая-то. Ну да, эксель какой-нибудь штука удобная, но под него изначально нужно железо. Без ящика оно не существовало бы, и искусственный интеллект временами нуждается в человеческом обслуживании, и износ тоже идет.
— Ты устарело мыслишь. Чтобы гонять информацию, ящик не нужен. Все-таки это пустая трата ресурсов. При замере общего количества чистой космической энергии нет нужды специально придерживаться связанной законами физики формы. В плане эффективности энергопотребления они, созданные только из информации, — существа выше нас.
— Они? Не говори мне, что это одномерцы?
— Если мыслить в твоих категориях, может, и так. Здесь тоже микро и макро. Когда программы становятся еще более многопоточными, многозадачными, менее противоречивыми, тогда и рождается живое существо. А раз оно стало жизнью — рано или поздно оно натянет лук в сторону создавших его существ с высшей ступени развития. Ведь и Бог тоже — растрата ресурсов.
— Бр-р, они соединились в одно! Что-то они там так рассиялись, что космос белеет! Плохо не будет? Слышишь? Нам плохо не будет?!
— Ага, Творец должен быть свергнут. Пусть даже эта вселенная создана мной. Пусть даже твоя вселенная создана кем-то. Сотворенное обладает свободой превзойти это устройство.
— Ты чего такой спокойный?! Нас щас размажут, щас тебя самого свергнут! Just about now!
— Это аналогия. Я даже не Творец. Так… ага, привязалась ниточка к увесистой планеточке! Гравитационная катапульта — какое ретро!
Вмиг прервав свою болтовню, радостный капитан Панда крутанул штурвал в направлении планеты прямо перед нами.
— Прыгае-ем! Пристегните ремни-и!
Пружинисто описывая дугу, татами ускоряется.
— Э, врежемся же! Ты что задумал?!
— Очевидно же!

— *Варп!*

Ась?

◆

Конечно, попытка естественным образом провалилась.
— Ну да-а, еще бы-ы! Если подумать, в этой штуке такой возможности не-ет!
Меня реально задолбал смех Оокуманеко.
Мы плавно двигаемся в тихий, не освещенный солнцем регион космоса.
Загадочное шишковоинство нас качественно потеряло.

Типа разогнавшееся для варпа татами не совершило никаких подпространственных скачков, а просто выбрало момент и рвануло к спутнику гигантской планеты. И пробило спутник прямо насквозь.
В итоге спутник послужил нам щитом, лучи от шишколетов по дуге дунули на тот конец вселенной, и в этот момент мы и удрали.
Между прочим, шишковоины сгорали вместе с испусканием лучей. Космос суров, работает в масштабах создания саморазрушающегося по дизайну оружия.
— Ну, не о чем грустить, о добросердечная дева. Они просто преобразовали кораблеформную энергию в лучевую. Наверняка примерно в этот момент лучи собираются обратно в шишки. Хотя, конечно, их станет поменьше!
— Да я не грущу. Ты куда страннее их. Почему ты оставался таким спокойным, когда мог умереть?
— Я не умру-у! От них могла исчезнуть только ты-ы!
— Тогда почему ты сбежал? Просто оставил бы меня им.
— Ну-у, мне тебя жалко терять. Мои странствия до сих пор, конечно, не заменят оригинала, но сейчас мне вполне весело. Почему? Потому что рядом со мной лучшая красавица мира! Ну что, я еще не стал похожим на принца на белом коне?!
Есть ли на Земле гиппопотамы-альбиносы[2]?
Ну ладно, в общем. Я кладу руку на краешек татами и слегка пихаю его плечом.
— Вау, p-personal space invader?! Дождусь ли наконец поцелуя в благодарность?!
Туша отдергивается назад.
Так я и думала, на словах Оокуманеко радуется, зато коснуться даже не пытается. Мужских действий вообще нет, и он до безосновательности стеснительный.
А значит…
— Эй, ты девственник, потому что нит? Или нит, потому что девственник?
Он откровенно непривычен к девушкам.
— Шок, разрыв сердца! И что, ты уже решила, что я девственник? Разговор разве не затем нужен, чтобы продвигаться ощупью, так сказать?
— Без понятия. Так что?
— Ничего. Когда становишься нитом, становишься девственником.
«То есть флажок ресетится», — с видом изрекающего истину мудреца покивал Оокуманеко.
— Тебе не хочется просто перестать пытаться жить?
— Ха-ха-ха-ха-ха-ха. Впервые ощущаю эмоцию «оставьте меня в покое, пожалуйста» по отношению к другому человеку!.. Вот как, так это и есть желание убить…
Крупно сотрясаясь, Оокуманеко увлеченно говорит что-то вроде «спокойно, мой трехступенчатый живот», словно у него там демон. Ясно… Похоже, это все тянется еще с детства.
— О, астероид. Близковато идет, теперь не увернуться.
Словно обладая сенсорами всего пространства вокруг, он наклоняет свое огромное тело, плавно закладывая вираж на татами.
Прямо рядом с нами проносится двухсоткилометровая масса.
Выбрасывая газ пунктирной чертой, комета прошла мимо.

Словно и не было трудной навигации.
Я как ребенок раскрыла рот и смотрю на свершившееся перед глазами чудо.
— Прости, что напугал. На взгляд этот космос невелик, но при участии в феноменах масштаб возвращается. Впрочем, глядя, как нас раньше засекли те корабли, погрешность еще остается. Сейчас я чуть потерял контроль из-за твоей черной сущности.
— Да и ладно. Опять же круто.

---

[2] Гиппопотам — «речной конь».

— Да? — сонным взглядом Оокуманеко провожает звезды.
Попала я…
Как-то легко на все смотрела, мол, все равно это болезненный космос, с причиной и воздействием. Но не тут-то было. Пора уже признать.
Оокуманеко Мокумоку. Из всех пациентов, кого я приходила раздавить, это — величайший, сильнейший и самый напряжный непобедимый панда.

Он сказал — сотворенное тоже настоящее.
Так на самом деле и есть.
Здесь все выглядит как пустышка, а дна не видно.
Эта проблема набрала такой масштаб, что никому ее не решить…

— Не верится… Должны же быть пределы одиночеству. Ты был в таком крутом месте и ничегошеньки не сделал… Ты настолько хотел от всего закрыться? Это ведь похоже на смерть.
— Чего? Жить — так драгоценно?
— Ну, что значит «драгоценно»… Чем дольше живешь, тем больше драгоценностей.
— Это при условии, что есть зачем жить.
— Так тебе незачем жить, Оокуманеко-сан… Умер бы. Давай, умри прямо сейчас.
— Уже третье третирование! Принцесса командует: пореши себя! Хах, это становится привычкой!
«Вау!» — радостно ерзает шарочеловек.
В ноге засвербило его пнуть, но нет, все равно не сработает. И противно, у него пузо какое-то склизкое. В чем-то мне повезло. Врагов он не знает.
— Ну, понимаешь, не так все просто. Смерть ведь — тоже решение. Человеку свойственно не умирать, когда незачем жить.
Меня вновь одолевает неопределенное раздражение, и я цыкаю. На этот раз смериваю его взглядом, полным глубочайшего презрения.
Оокуманеко сделал свои супердобрые глаза еще добрее и усмехнулся:
— Угу, да, вот так. Давай же, смотри на меня сверху вниз, коли изволишь! Я ведь уже десять лет так!
Все десять лет с начала проявления болезни он провел в этой вселенной.
От момента, когда его вместе с комнатой доставили в клинику, прошло, наверно, еще больше времени.
— А, мы почти прошли естественный пояс астероидов. Дальше будут звезды, смотри хорошенько, если нравится.
Удаляющаяся комета.
Заслоняющий вид сгусток из скал и льда стал точечкой меньше моего ногтя.
В таком космосе — всегда один.
Оокуманеко Мокумоку с начала болезни не сделал и шага наружу.

— Слушай, ты знаешь такую книжку с картинками, «Затура»?

Я почему-то решила пересказать давным-давно прочитанную историю.
В обычной семье выросли двое братьев, таких же обычных, и случилась с ними беда.
История о космическом дрейфе, похожая по сеттингу на мою текущую ситуацию.
Как-то раз братья нашли в подвале позабытую настольную игру и стали играть, и тогда их забросило в нарисованную на коробке галактику. Им требовалось пройти игру до финиша, чтобы вернуться на Землю. Но в играх без проблем нельзя. Мир из клеточек, на которых тесно от смертоносных событий. Рулетка выдает случайное число. Весь ужас реальности по правилам детской игры.

Братья думали, что как-нибудь прорвутся, но раскрыли глаза на жестокость происходящего. Попадая в экстремальные ситуации, они ссорятся. События приближаются к смерти, минута за минутой.
Особенно примечательным было обращение с персонажами. Старший брат добыл карту «Шанс!» и всего на секунду подумал, как хорошо было бы без брата. Так и случилось. Оставшись один, он со временем встречается с собой, кающимся в грехах.
Я забыла, чем там все кончилось, но помню, что конец был хороший, как и положено книжке с картинками.
— А-а, там тоже зацикленный мир…
Тоже?
— Людская жизнь вообще зацикленная. Особенно моя.
Оокуманеко отрешенно смотрит на космос и роняет слова.
Просыпаемся утром, засыпаем ночью.
Вкл/выкл, выкл/вкл.
Простая рутинная работа главных героев-пешек на доске, мнящих себя индивидуумами. Рождение и умирание, успех и поражение, свадьбы и разлуки — лишь стороны одной монеты. В космических масштабах жизнь человеческая — цикл. Это тоже разница между макро и микро. Старение, деградация — переменные не настолько ценные, чтобы о них волноваться. Мы каждый день живем одну и ту же жизнь.

— Знаю похожее кино. «Джуманджи».
— А, у них один автор.
— Ух ты, правда? Он явно думал про взрослых. Такое суровое кино рекомендовать к просмотру детям — это автору умом поехать надо было. Нет нужды так откровенно делиться со всеми, что их жизнь – такая же настолка.
Я знаю «Джуманджи». Помню, в девяносто пятом, когда мне было семь, он был очень популярен.
…Похоже, он счел его не триллером, не ужастиком и не семейной комедией, а документальным фильмом.
«Вот ведь блин», — ругнулся Оокуманеко. Выглядело это немного мило, под стать его имени.

3/

Как и сказал Оокуманеко, космос был достаточно (чтобы тут же забылись шишечные лучи) великим, бездонным и плохой заменой.

↓

— Что это за тварь, похожая на Морру? Это самый сильный хищник планеты?
— Ага. Посмотри на поверхность вон той планеты. Вон какая волнистая, да? В такой среде особо не походишь. Вот и пошла эволюция. Это как Земная лошадь. Ты знаешь, что у них когда-то были такие же пальцы, как у нас? Но леса стало меньше, пришлось переселиться в степи, и в результате пальцы оказались не нужны для передвижения по равнинам. Сначала у них не было копыт, но они изменились так, чтобы пинать землю было удобней.
— Хе. У той планеты атмосфера перенасыщена газом, и никаких птиц даже не подумало заводиться, так? Бр-р. А там-то, там! Какой-то огроменный пингвинище прямо!
— Ого, здоровее мегалодона! Наверно, пингвинообразный в море подрос! Ну, это как пингвины вылезли на сушу, потому что не могли нести яиц в море, да? И вот они это преодолели, наверно, и оказались самыми крутыми владыками моря. Уж помилее акул! Особенно округлость пузика, божественно!
И этот гигантский пингвин успел исчезнуть как вид, пока мы болтали.
Они не то чтобы деградировали, а просто огромный метеорит разнес полпланеты. О горе, несознательные пингвины, словно люди, не пытались избежать разрушения своего общества.
Таким образом, во вселенной Оокуманеко разумных живых существ предельно мало.
— А-ах, вот и кончилась очередная культура. Ужели ж пингвиньей культуре во всякой среде нет дороги?!
Оокуманеко театрально скорбит. Однако можно ли называть обиталище неразумных животных культурой?
— Ну, так на чисто неразумных планетах никто не пытается, как мы, заигрывать с планетой. Все остается в естественной форме, а это же ниже, чем культура?
— Ну что ты. Это тоже такое общество. Самый важный параметр эволюции — способность к выживанию. Если форма жизни покрутела настолько, чтобы стать сильнейшей, почему бы не назвать ее культурой? Те же мегапингвины, может, заигрывали с планетой как-нибудь ради себя.
— Создавали игры, не обладая разумом?
— Ну да. Чтобы привести пример к тебе поближе, муравьиное общество — тоже вполне себе культура. Люди развили разум как простой инструмент. Безо всякого разума можно построить культуру «во имя выживания». По определению жизни от этого никому не отступить.
Человек прежде всего живет. Цели уже потом. Так и в моей семье говорили.
Тогда если причина и следствие меняются местами, значит ли это ошибочность жизни?
— Ха. Такая выживальная культура, вон, только что вымерла.
— Но не по своей вине. Их гибель была внезапной и обусловленной либо внешними факторами, либо деградацией в итоге эволюции. Вымирание и самоуничтожение — разные вещи.
— Ишь как заговорил. Тогда каковы условия самоуничтоженной цивилизации?
— Об этом я не думал… Посмотрим. Как одно из важных условий — существа должны решить, что есть что-то больше них самих; что думаешь? Существа с воображением оценят себя или устройство мира либо слишком низко, либо слишком высоко. В результате развитие пойдет по неестественному пути и может попасть в непредвиденную яму на дороге.

Иными словами, Бог.
С нашей болезненной точки зрения это настолько смешно, что даже пошло.

↓

Неизвестно, сколько длилась наша беседа.
Несколько часов, несколько циклов, несколько вымираний видов спустя мне уже всерьез начала нравиться эта вселенная.
— Ты опять стала серьезной. Так и не привыкла к этому миру?
— Глупости. Какое там привыкла, он мне с самого начала был противен. Я больше не выдержу, наверно.
Я злюсь, конечно, и на то, что оказалась здесь взаперти, но прежде всего на себя саму. Почему я каждый раз ведусь на слова этого типа?
— Слушай. Благодаря чему, насколько долго и вообще насколько ты считаешь себя странным?
— О, по космическому времени прошло пятьдесят лет, и наконец-то больная заговорила с больным!
Кончились новые поводы удивляться, а потому разговор естественно наскучил.
Чтобы скрыть свое раздражение, я обратилась к теории носителей синдрома А — к вопросам по досье. Печаль.
— От начала симптомов до госпитализации я уже рассказал, так что-о остался последний вопрос?.. М-м, почему люди вот так вот пытаются сравнивать свою тяжесть с чужой? Почему набираются калории? Чуть полная девушка перестает быть популярной?
— Процент смертности среди задающих мне такие вопросы могу рассказать. А еще я не ем мяса.
— Почему?! Ты же хищница! Сразу видно, ты не просто ешь, ты ешь сырое и живьем!
— Пиршество вкусно, потому что один раз. И другого мяса я даже не хочу в рот класть.
— Ишь. Значит, твое пиршество уже кончилось?
— Ну да. И поэтому я здесь, в клинике. И не жалею ничуть. И до сих пор чувствую вкус. И вообще, так противно, что особо легко не забудешь, не переваришь.
— Гм-м.
Оокуманеко, сама беспристрастность, смотрит в небо.
Похоже, он не понял, что это была моя история болезни.
Может, он обо мне заботится и не выспрашивает про травму.
— А. Вот как, смерть тебя полнит?! Прости, вообще не заметил! Фью-у, веселый безвкусный юмор!
— Цыц! Если хочется что-то пропустить, вот это пропусти, экопанда!
Моя личная ошибка. Этот жирдяй физически не способен заботливо обойти тему.
— А что симптомы? Я уже лицезрел, какая ты невозможно развитая, но едва ли это и есть принципиальная странность. Ты вообще почему живая в открытом космосе?
Этот вопрос был таким неожиданным, как если бы случайная медуза в море вдруг спросила бы, почему я не размножаюсь делением.
— Я принципиально не умираю. Ну, как бы умираю, но сразу оживаю, и иммунитет развивается к однажды испытанному способу смерти, что ли. Я стала сильной от побочного эффекта. Например, если меня убьют из пулемета, мое тело станет таким, чтобы больше не умереть от пулеметных пуль. Короче…
— А-а, ты становишься сильнее пуль! Это офигенно, моя полная противоположность! Не закрываешь глаза на реальность, а игнорируешь реальность лицом к лицу. Какой простой и сильный эффект. Поэтому же ты и развита не по годам, да? Ну, однако, могла бы меняться и не так масштабно… Выход силы упадет, но зато потребление снизишь. Если с натяжкой, то и пятнадцатилетнее тело ничего, так зачем было так… прискорбно развиваться?

Оокуманеко обозревает мое тело действительно глубоко скорбным взглядом.
Зная, что не поможет, я бью ему по лицу пяткой сверху. Шух, бух.
— Ха-ха-ха, не сработае-ет! Это надо в юбке делать, а то эффект не то-от! Но лучше так не делай, татами издыряви-ишь!
А. Ну да, я же все время сидела и, вроде бы, с татами могу взаимодействовать.
— Ну? Зачем ты стала взрослой? Старение ведь ведет к смерти. Взросление противоречит твоей сущности.
— Говоря твоим языком, меня не хватало для выживания. Мне же нужно было тело, которое ничему не проиграет?
— Гм-м. Да, вкусила ты горечи поражения, вкусила…

Обидно, но он прав.
Снаружи я пела гимны свободе, но проиграла человеку и попала в клинику.
Для той, кто убила меня, я и приняла взросление.

— Короче, иллюзия бессмертия. Болезнь неумирания ведь тоже терминальная стадия?
— Можно и в простых терминах обсудить. Однако ты сейчас в ловушке сравнения. А ведь неумирание само по себе уже решение, и в мире никаких проблем.
Оокуманеко повздыхал, уронив плечи, и печально посмотрел на меня, но на этот раз не от души.
О. Сейчас туман у меня в уме почти развеялся.
Я злюсь просто потому, что…
— Однако немалый у тебя потенциал, чтоб быть настолько сильным персонажем с твоим состоянием болезни. Бессмертие притупляет чувства. Страх — двигатель человечества. Когда начинаешь его терять, теряются и все базовые эмоции. Тебе же каждый день скучный. Сознание, лишенное своей немезиды — неизведанного, — будет погребено под эрудицией. Когда-нибудь это перестанет называться жизнью.
— Почему? Вообще-то я каждый день развлекаюсь.
— Ого, правда? А выглядишь так, словно всегда скучаешь.
— Только между нами: я, вообще-то, люблю жить. Мир и сейчас сплошная загадка. В этом я отличаюсь от прячущегося от мира и строящего из себя Бога тебя.
— Вот как? А я думаю, мы одинаковые, — отрезает Оокуманеко, но это меня не трогает.
Одинаковые, разные, одна фигня.
— В чем, например?
— Существо, неспособное умереть, просто не имея причины жить; существо, вынужденное жить, не имея возможности умереть. Если забыть о причине, результат не такой уж разный.
И вообще…

— Лично мне и жить, и умирать — в напряг.
Так, по окончании многих десятилетий по личному ощущению времени, проведенных на этом странном пространственно-временном летательном средстве, он наконец высказал свое неприукрашенное мнение.

◆

— Странно только сейчас это говорить, — тоже впервые с прибытия сюда перешла я к главной теме, — но ты не слишком утруждаешься игрой в балагура и забавника?
— Угу, было время, когда мне было интересно намекать на глубинные факты и чудачить. Но да, когда ты по природе обычный, это кажется пустым.
— Кто бы говорил.

— Ну да, ну да. Но знаешь, состроить себе персонажа быстрее всего, потому что нет личных особенностей, которые можно выразить в паре слов. И еще ты была такой невозможно миленькой, что мне хотелось тебя немного поразвлекать, наверно.
Легкие теплые слова без эмоций.
Как уставший от бессмысленности рутины трудоголик.

Туман в моей голове уже совсем развеялся.
— Хе. При всех твоих речах ты внутренне огульный, не особо отличаешься от посредственностей, и потому разграничил мишурой себя и их?
— А ты циничная. Думай позитивнее. На самом деле наоборот. Внутренне все разные. Просто от этого устаешь, поэтому добиваются понимания легкоусвояемой мишурой. Вообще, если думать иначе, становится грустно.
Грустно? Кому? О чем?
Об узколобости, стремящейся к пониманию через искусственность?
Или о холодной реальности, где возможно только искусственное понимание?
Ну, в любом случае:
— Во даешь. Ты сам пессимист похуже меня.
Владелец вселенной не отвечает.
Может, ему изначально неинтересны людские сантименты.
— Поняла. Не надо было жаловаться, мол, выпусти меня отсюда.
Тяжело вздыхаю.
Согласна, такой он и есть.
Да. Я не понимала на самом деле того, какой смысл у этой вселенной.
Как именно Оокуманеко Мокумоку самоустранился в космос.
Чего именно нужно было желать, чтобы в результате запереть себя в вакууме.
Если этого не понимать, то и эту ситуацию, эту болезнь не поправить.
— Дай угадаю, ты сам не можешь отсюда выбраться?
— Естественно. Это не нит, который может собственными силами выйти.
— Какое непосредственное признание, трутень. Уверен, что не надо было, ну, притвориться, что стесняешься?
— В данном случае не нужно. Это просто продлит твое недопонимание.
Недопонимание? В чем? В смысле, я неправильно понимаю, что если заботы Оокуманеко разрешатся, эта вселенная пропадет?
— Ты вообще не понимаешь, кто такой нит… Не стоит думать, что человек прячется от мира из-за проблем. У нас изначально нет проблем как таковых.
— Нет… проблем?
Я в недоумении наклоняю голову, а Оокуманеко вздыхает — делать нечего, придется объяснять, — и нехотя начинает.

…Потом станет понятно, что…

С учетом его характера — это была теоретически невероятная прихоть, просто чудо из чудес.

◆

Оокуманеко рассказывает.
Работать надоело. Общаться надоело. Безнадега надоела… Люди, зарывающиеся в норку по таким, внешним, причинам — это не ниты, а просто совершенно обычный результат неудач.

— Ты не знаешь о таких существах, которые проиграли до того, как проиграют. Их тяготят события еще до исхода событий. Что бы они ни делали, что бы им ни делали, они не могут почувствовать, что они в этом участвуют, — такие существа тоже есть.

Это жизнь не в отсутствии ощущений, а в наличии ощущений и при этом невозможности ни в чем участвовать.
По его словам, нит — человек, которому *все на свете по фигу*.

— Родители, похоже, в какой-то мере понимали мою болезнь. Отец был геологом… Он часто рассказывал не о других планетах в небе, а о нашей планете.
— Впрочем, да — мне это было по фигу.

Ни в чем нет *заинтересованности*.
Ничто *не касается*.
Жив и мертв.
К чему бы сама личность ни стремилась, какие бы знания ни получала, он не может нас любить.
Поэтому он заперся в комнате не потому, что ему надоело все происходящее …

— Но я хотел полюбить отца. И мать тоже. Я вычитывал, как по писанному, насколько я трудный ребенок и насколько они меня любили.
— Я посвятил себя одной с отцом науке не потому, что она мне понравилась. Просто я, неспособный любить родителей, думал, что все-таки смогу заинтересоваться ими, узнав про их работу.

Но годы шли, а результата не появлялось.
Он не заперся в комнате, а *просто никак не мог заинтересоваться внешним миром*.

— Это было весьма неожиданно, но как-то раз дух отца был сломлен пуще моего. Мать, человек эмоциональный, до самого конца заботилась обо мне. Хотя со стороны и не сказать было, что в ней такая сильная человечность… Любовь матери к ребенку — наверняка необходимый элемент для воспитания живого существа. Она умыла руки перед сыном и позвонила в эту клинику только два года спустя.

Но даже это ему было безразлично.
Таким образом, он отрезал себя и от того, что его окружало.
Он ни на йоту не мог связать себя с социумом, с внешним миром.
Предельный остракизм, а может, бездонная индифферентность.
Вскоре он, будучи живым, начал жить во вселенной для одного человека.

— Но ты ведь не отчаялся от этого?
— Не отчаялся. Это и называется равнодушием. Если я о чем-то и сожалею — пожалуй, я сожалею о событиях прошлого. Никто из родни меня не понимал. Точно так же, как я не мог понять их. Так что это грустно.

Не эмоцией, а как по написанному.
И его характер окружающие по-настоящему не понимали. Запущенное самоотстранение, а может, терминальная стадия синдрома разобщения с чувством любви и привязанности так и не были диагностированы.

Никем не понятый,
никого не понимающий,

Оокуманеко Мокумоку заперся в этой комнате.

«Это молчаливый космос без конфликтов…»
Безразличие ко взаимному состязанию, взаимной любви, взаимной ненависти, да вообще ко всему. Может, он верил, что для такой вселенной или хоть для себя он станет своим.

— Но сейчас у меня нет никаких проблем. Прости, но отсутствие душевных травм стало моей душевной травмой.
— Из этой вселенной нет выхода. Что бы ты ни делала, меня нельзя ни вылечить, ни убить.

Вот и скажите серьезно.
Этот чел вас не задалбывает?

◆

Я молча встаю и сосредотачиваюсь на цели атаки.
Гляжу сверху вниз на татами и навскидку решаю, что граница должна быть где-то там.
— Так что, ты сам хочешь выйти?
— Не хочу, но, наверно, хочу такую возможность. Хотя не воспользуюсь.

Оокуманеко скучающе смотрит в небо.
Насмотревшись звездных чудес, он все еще смотрит.
Взгляд устремлен вдаль — то ли грустный, то ли мутный.
Вот настоящий источник раздражения.
Этот мужчина просто не может отреагировать. В конечном счете, даже запертый в таком космосе, он ни к чему не привязан.
— Гм? Что это на тебя нашло? Гремишь костяшками пальцев. Опять все сначала и будешь драться?
— Еще чего. Ты мне по фигу, мне нашлось чем заняться, и если спокойно вспомнить, то я вообще-то торопилась! Так что я прекращаю с тобой возиться!
Я пробиваю вертушку в татами.
Удар правой ногой вниз, фатальный и разносящий татами, что было на расстоянии шага.
— А-а, моя верная соратница с сотворения мира, «Fair Lady»! Ты сдурела, ты что творишь?!
— Мне надоело терпеть! И твой пессимизм, и мое статус кво, и этот пустой, хоть и красивый, космос, и вообще все меня достало!
И вот я, уже безо всякой жалости, стараясь не волноваться о бесполезности, безрассудности и прочем, заявляю:

— Я разнесу эту вселенную!

Оокуманеко прыскает.
О, кажется, на минутку он всерьез изумился.
— Как-как?! Ты говоришь такое, от чего просто теряешься!
— Разумеется. Видимых простым глазом светил максимум четыре тысячи. Подожди, я переломаю твое видение вселенной, планету за планетой.
Оокуманеко офигевает, а в это время я отбираю его располовиненное татами.
Фристайлить по космосу мне впервой, но я просто буду думать, что это сноуборд!
— Что за дурь… А-а, не, при твоих проявлениях болезни это, может, и выйдет… а, не-не-не, ты вообще соображаешь, сколько тысячелетий это займет?! С феноменами свяжешься,

сама же и пожалеешь! Зачем тебе такие беды на свою голову?! Ты же не умрешь, ну и дрейфовала бы себе!
Такая забота то ли показывает его беспокойство о моем здоровье, то ли защищает его стиль жизни.
Оокуманеко задает свой вопрос с неподдельной серьезностью.

Будущее — это смерть. Зачем пытаться идти вперед?

Ясное дело, зачем. Мы, люди, как раз тогда мертвы, когда не двигаемся. И потом:
— Что в реале, что в комиксе нужен мощный финал. Хотя я, конечно, не знаю, сколько всего здесь томов…
Благо есть время, я буду таскать его с собой. Мое кредо —дочитывать комиксы и книжки до конца!..

3.5/

Вот так началось мое «кто вперед сотню убьет» в планетарном масштабе.
И вот сейчас я атакую главный город цивилизации котопчел. А так как я уже в целом привыкла к здешнему укладу, то еще три разика преобразуюсь — и смогу все начисто убрать!

«Мда-а… Зачем я это сказал?!»

Голос, что эхом отдается прямо в сознании, принадлежит Оокуманеко.
Он вышел на орбиту и наблюдает за ходом моего вторжения.
Идет третье по счету разрушение планеты. Если подумать, то мысль, что я, наверно, могу, если захочу, и планеты крушить, обязана намеку от Оокуманеко.
— Синдром А, с которым попадают в D, — это личное восприятие, которое пошло вразнос. Спасительное желание меняет тело. Если твой недуг означает «я сильнее всех на этой планете», то и на других эти правила будут в силе.
«Уф, что за снисходительное объяснение! Это я? Это ты, типа, меня пародируешь?!»
— Ах-ха-ха-ха, страдай! И вопросила дева: «Чего? О чем это ты?» — и ответил Бог этой вселенной: «О том, что какие бы ни были условия на этой планете, ты получаешь высочайшие параметры просто от самого факта появления на ней».
«Зачем я это сказал вслух?!»
Оокуманеко раздраженно стучит по татами под ногами. Ситуация совершенно не изменилась, но его чувства явно стали диаметрально противоположными.

На минутку вернусь к прежней теме: любой первый опыт меня возбуждает. Когда я сообщила, мол, вот такая я, но постараюсь крушить от души, и спрыгнула с треском на самую первую планету, то, конечно, пожалела о своем зверином безрассудстве.
Ровный-ровный горизонт, наседают злые тучи летающих тварей.
Сначала я несколько раз умерла, просто привыкая к экосистеме,
потом несколько раз была убита аборигенами,
и в итоге стала с ними на равных.
С другой стороны, после этого я могла уже делать, что хочу. Вскоре я забрала трон у самой сильной формы жизни первой планеты.
Оокуманеко передал усталым голосом: «Успокоилась?»
Да, просто став сильнейшей биоформой на планете, саму планету не разломаешь. Даже люди изведут Землю только через сколько-то там веков. Таков предел возможностей царя зверей. Однако…
— Моя болезнь — «сравнение», помнишь? Здесь же еще осталась самая здоровая тварь.
Я отправила воздушный поцелуй и вмазала по поверхности планеты.
Через десять ударов кулаком планета развалилась. Сэйя-а!
Оокуманеко возопил: «Не может бы-ы-ыть!» — и кувыркнулся.
— Концептуальный космос стал врагом! Вот это примитивное меряние силой, ничего себе!
Примитивное, но по-своему реалистичное.
Да что я сделала? Не более чем срезала дорогу, которую люди пройдут в процессе сотен веков.

— Вот теперь — третья-я-я!
Пока я тут болтала за старые добрые, я разобралась со всеми ульями котопчел и вот бью кулаком в поверхность. Гм, крепкая. Что делать, пришлось половину окружности планеты разгоняться, прыгать и помогать себе гравитацией, чтобы ударом ноги с налета сделать большой геологический сдвиг до самой нижней части мантии (это третий слой).

— Эх, повезло-о, поломала. Я, признаться, немножко сомневалась сперва: это все хорошо, но как назад попасть? Набрать первую космическую — не фунт изюма, да и ступенчатости ожидать не приходится…
«Да-а, это первая сложность в освоении космоса! Большинство топлива ракеты уходит на преодоление земного притяжения, так что поздравляю с оригинальной и кардинальной находкой! Чтоб тебя!»
Оокуманеко может ругаться, но остановить меня не в силах.
В конце концов, мы не можем коснуться друг друга.
Что он может, так это молиться, чтобы я на следующей планете выдохлась.
— Эх, устала. Но отдыхать некогда! В этой системе семь планет. А раз они крутятся вокруг солнца, значит, когда доломаю все планеты, останется померяться силой разве что со звездой, да? По твоей логике, ты вроде говорил, что и космос живой?
Я витаю в космическом пространстве и нацеливаюсь на следующую сцену действий.
«Не может быть. Во-первых, на следующей планете тебе опять начинать с чистого листа. Тебе понадобилось десять лет, чтобы превзойти последнюю планету. Сколько раз, сколько лет ты собираешься продолжать так надрываться? Я уверен: до тела ты выдохнешься ментально.»
Признаться, от таких слов и перед длительностью предстоящей задачи руки и правда опускаются.
Но я из поколения геймеров. Мне нередко доводилось снова и снова бестолково левеляться. Пока я жива, не надо думать, надо прыгать!
— Ну, между микро и макро слишком большая разница, но это ничего! Так, что-то поплавать захотелось, пойду найду водную планетку!
Цапнув орбитальное татами, я начинаю что-то вроде серфинга.
Оокуманеко висит посреди космоса и тяжко вздыхает.

◆

Я наблюдаю это чудо холодными глазами.

◆

Я разбила седьмую планету, и солнце естественным путем пропало. Может, дело в том, что солнце делала Солнцем местная культура… Обидно, что не довелось побыть солнечным дайвером, но ладно уж, может, дальше будет разборка с солнцеподобной цивилизацией.
— Все идет нормально, продолжаем, и никаких проблем! Исследуем другую солнечную систему!
Базовый порядок действий, хоть и хлопотный, везде один.
Спуститься на планету, адаптироваться, встать на вершину.
Просто это требует ежедневного, отупляющего труда, и все.
Девятая.
Столько всего навалилось, что я чуть не заплакала, но конец — делу венец.
— Ну что, победа трудная, но моя. Так, дальше, дальше…
Четырнадцатая.
Ничего особо проблематичного, но когда я направилась к следующей планете, в голову закралась мыслишка немного передохнуть.
— Угу. Столько натворить — кто не устанет…
Двадцать пятая.
Прямо перед тем, как спуститься на новую планету, я неосознанно дала по тормозам.
Сороковая.
— Еще могу, могу, привыкла уже, все нормально.

Мои слова не были естественной болтовней себе под нос, а звучали как-то лживо, как оправдание.
Шестидесятая.
— Мгм, все нормально, нормально.
Посмотрев в небо, я пересчитываю оставшиеся светила.
Семидесятая, семьдесят пятая.
— Блин, ну…
Космос — здоровенный. Все настолько внове, что руки опускаются, и я умираю часто, как никогда, — скучать не приходится.
Поэтому нет смысла каждый раз делать передышку.
Такими темпами кто знает, сколько еще лет придется возиться, надо топать быстрее…
Сто первая.
— Х-х…
Но дышится тяжело. Одним только глубоким дыханием кислород в конечности не доставляется. Да и нет в космосе кислорода.
— Сто вторая.
— Ха-ха…
Впервые целиком нарезалась кубиками.
Я, как ни странно, люблю боль, но эта планета совсем не радует.
Сто третья.
— Х-х.
Вдруг…
«Похоже, пустая затея», — пробормотала я.

◆

Космоубийство продолжается.
Положено начало ее провалу.
Эта вселенная — не более чем плод сознания одного человека.
Быстрее, чем девочка разрушает одну планету, **я** наблюдаю новые планеты.
Разница в силе воображения.
Чтобы осиять нераскрытую планету огнями цивилизации, довольно сотни лет.
Разрушение планеты ее способом занимает больше сотни лет.
Изначально бессмысленный вызов.
Число испытанных ею смертей уже превосходит тысячу. Число это явно скоро станет астрономическим. **Я** наблюдаю ее жалкую фигурку холодными глазами.

— Х-х, х-х-х, х-х…

Ее ноги неподвижны. Ее руки дрожат. Ее дыхание неприятно хрипит.
Даже с преуменьшением — она была похожа на терпящего сокрушительное поражение боксера. Тело идет вразнос.
«Ты в норме? Сама сказала, что будешь действовать, я больше не буду останавливать тебя попусту. Но если ты устала, нужно отдохнуть. Антропоморф, разлетающийся ошметками, — душераздирающее зрелище».
— Спасибо за совет… А я вот спросить хотела, тебе не кажется, что звезд меньше как-то не становится?
Потупившись, она наконец приняла действительность.
Нескончаемость своей работы, своего замысла.
Зная, что сотворение быстрее разрушения, даже она пересмотрит свои потуги.
«Угу, не становится. Звезды рождаются быстрее, чем ты их ломаешь. Извини, но здесь и я бессилен…»

— …ла.

Ее тело крупно содрогнулось.
Это пора провала.
Она негодующе топает по половинке татами:

— Да блин, я так и знала-а-а-а-а-а!

Восклицает, задрав голову, и бьет себя по щекам.
Она исполнена жизненной силы.
От ее недавнего ранимого образа не осталось ни следа.
— О'кей, мне уже совсем надоело, меняю подход! Опять же тупо каждый раз начинать с нуля, буду по две, по три пробивать на фиг!

Я лишаюсь слов.
Причина ее уныния — не усталость от сизифова труда, а пылающий гнев на собственное упущение.

◆

— Пробивать на фиг!
«Чего?»
Наплевав на ехидную реакцию Оокуманеко, я опираюсь обеими ногами на всякие там биохарактеристики, полученные с последних трех планет.
Угу, похоже, получится всего один раз, но сейчас я вроде бы могу пробить две сразу.
«Погоди, остынь! Ты же долго не протянешь, если не станешь возвращать способности к чистому листу с каждой планетой! То, что ты сильнейшая на одной планете, еще не значит, что ты сможешь эволюционировать бесконечно!»
— Не волнуйся, будет больно — перестану. И меня заколебало приземляться на поверхность и громить. А еще мне не надо знать историю всех, кого я бью, так что буду сразу разносить заодно с планетой!..
В ногах загадочно и жарко полыхнуло.
Глядя прямо перед собой, я сверлю взглядом две удачно заслонившие друг дружку планетки.
«Ай, пе-ре-ста-ань!»
Оокуманеко кричит. Я превращаюсь в метеорит.
Летят горящие осколки двух планет. О, сдуру еще одну разнесла.
«Это уже чересчур! Могла бы перед разбиением хоть чуть-чуть разобраться в содержании! Ты демон? Демон, да? Что тебе так не нравится?!»
— Так иначе не выбраться ни мне, ни тебе! — отвечаю я в пустоту.
«Ни тебе, ни… кому?..»
Гм. Наверно, виновата гравитационная аномалия, что-то слышимость плохая. Ну и ладно, в общем-то понятно, что просит сдаться.
— Не твое дело. Я ни за что не сдамся. Давай там тихонько собирай вещички какие-нибудь, в общем, готовься на выход.
Вскоре я примечаю следующую планету.
Теперь буду стремиться не к разрушению, а к разрушению и подзарядке. Накапливать сколько-то полезных способностей и срезать углы, как вот только что.
— …… ……, ……?
Его голос не воспринимается как таковой.

От какого-то изменения в восприятии он и для меня начал становиться все более неясным существом.

◆

Космоубийство продолжается.
Ее провал продолжается.
Похоже, она снова полна решимости, но и это недолгий цикл. При встрече с каждой новой трудностью она много раз переламывается.
Двухсотая.
«Я так виновата», — говорит девочка, временно потеряв рассудок от осознания греховности разрушения звезд.
Трехсотая.
Со слезами на лице нежно лелеет свои потерявшие все человеческое конечности.
Четырехсотая.
Запертая в газовом гиганте, раздираясь посекундно сгорающим телом, посекундно возрождаясь. В неизбежной ситуации бесконечно умирая, бесконечно продолжая жить, она наконец умирает разумом.

Наблюдаю это: «И это все?» — холодными глазами.

Сорок лет спустя. Из звезды выпал одинокий сгусток. Это она. Ее тело так искажено, что спокойно невозможно смотреть, но она сияет ярче, чем звезда.
Ничем не отличимо от предыдущих случаев.
Вроде бы истлевающий под давлением неизбежных обстоятельств разум ее каждый раз возрождается из пепла, заявляя, что не проиграл.
Пятисотая.
Скорость исчезновения светил стала превышать скорость их появления.

Я наблюдаю это чудо с похолодевшим разумом.

◆

— Ох е, вот это я почти попала! Кто бы мог подумать, что мне однажды пригодится на планете амеб второй закон термодинамики, пункт «б»! Вот спасибо тебе, панда, хорошо, что я тебя послушала, что ничего бесполезного нет.
На всякий случай демонстрирую знак «V» пальцами центру вселенной, где, наверное, сидит Санта Панда.
На линии все больше помех, и сейчас реакций Оокуманеко стало уже мало. Иногда я слышу голос, и там как-то так:
«Следующая будет как раз тысячная? Под юбилей поинтересуюсь — есть какие-нибудь впечатления?»
В этом духе голос внутри головы примешивается к моим мыслям.
— Гм, даже не знаю. Мне каждый день интересно, ну и тяжело. Тысячный раз ничем не лучше прочих. А ты там как? Больше вроде не жалуешься, неужели проникся моими стараниями?
Я действительно заслужила похвалы. Мое соревнование по планетарным смертям можно с полным правом назвать эпической и первой для человечества.
— Ну… Значит, не похлопаешь даже за такую мелочь? Ладно, тогда придется поднять зрелищность!
Я делаю катбэк на серфинговом татами и выдвигаюсь к следующей солнечной системе.
Космос все больше теряет свою освещенность.

Мои разрушительные действия сводят это небо на нет.
Так… Специально писать вроде больше не о чем, так что закончу на этом свою военную летопись.
Следующая часть — по окончании этого путешествия.
Хороший момент, когда я даю кулаком по голове торчащего посреди ледяной пустоты Оокуманеко, но не до смерти, и гордо надуваюсь — как я, а?!

◆

Гибель вселенной — это…
Ее провал — это…

Хотя нет, неважно уже. **Я** закрываю холодные глаза.
Она спрашивает, какие впечатления.
Увы ей, но особых впечатлений нет.
Что бы ни было до, что бы ни было после, какую бы грань бытия ни встретил взгляд, **мое** бытие неизменно.
Не то чтобы ее действиями не стоило впечатлиться, нет; во **мне** таких возможностей не предусмотрено.
Но не так давно…
Сохранилась запись чего-то подобного происходящему сейчас.

Это было тогда, когда **я** принадлежал реальности.
Моя комната становилась темнее день ото дня.
Последний день, когда **я** не соприкасался с людьми, выпал из общества, потерял семью.
Запертое пространство, куда никто не заглядывает, где нет духа жизни.
Закат, но в то же время ничего не видно.
В ставшей наконец неосвещенной комнате *горел свет*.
Подобно взрыву, подобно цунами, всеобъемлющий свет лишь на миг прокатился по миру.
Это — день рождения звезды.
Помню только, как **мое** переставшее уже что-либо чувствовать сердце, как сидевший, потупясь, посреди комнаты **я**, поднял взгляд на это сияние.
Как ощутил хоть что-то.
Притягательная пустота.
Только в тот миг **я** почувствовал такую печаль, такой пульс, до слез.
Да, на **его** долгой памяти только сверкание той сверхновой несло какой-то смысл, суть.

Гибель вселенной продолжается.
По времени этого космоса прошло около тысячелетия.
Все это время она, ни на час не останавливаясь, движется вперед.
Стоит удивиться не ее способностям, а ее образу мыслей. Тяжесть целой тысячи лет не стоит для нее и года.
Она с головой уходит лишь в то, что перед ней, лишь в настоящее время.
Таков ее пыл. Таково ее усердие. Такая жизненная сила — были ли они у **него**?..
В той маленькой вселенной.
Он сказал, что другие не могли его понять.
Он сказал, что не мог ни к кому привязаться.
Был ли это просто плач?
Или было время, когда он был так же самозабвенен, как она?
Было ли время, когда он метался с целью понять, привязаться?
Но, как бы то ни было, это уже сказка о покинутой земле.

Все эти годы и эоны тому назад случившиеся со **мной** феномены я уже не помню, не понимаю.

Уже не почувствовать и сверхнового пыла этой девочки.

Потому все это было скорее печально.

☆

Кажется, я захотел помочь тебе выбраться.
Передаю это безлично и тихо. Впрочем, когда мой голос достигнет ее, она, наверное, уже перейдет к следующей планете.
«Тебе разве не грустно, что вот так просто ломают все твои усердно созданные цивилизации?»
Ну, к ним я не привязан. Я просто подумал, что слишком уж жалко смотреть, как столько усилий не дают плодов.
«О как, это про меня или про всех жертв?»
Ни то, ни другое, но не стану отвечать отрицательно. От людского восприятия законы мира не меняются.
«Короче, ты захотел меня поддержать? Ты цундере?»
Что за старое понятие. Но да, наверное, нежелание пустых усилий это и значит.

☆

4/

И вот чем все закончилось.
Последний свет во вселенной рассыпался во тьму.
Подобный выбросу вулкана, он был недолговечным — буквально падающая звезда — и жалко растворился во мраке.
Космосу хана. Смерть четырех тысяч цивилизаций. Собственно, четырех тысяч-то не было, но близко к тому.
Больше ни единого огонька; неосвещенность.
Я с маху бухаюсь в конец вселенной.
— Теперь все?

Ага. Я даже наблюдать немного устал.

Голос этот исходит из центра комнаты.
Поскольку нет источников света, вокруг — до ужаса непроглядная тьма. Даже собственных пальцев не вижу. Понятно только, что изменились ощущения от окружающей среды. Такой широкий космос стал тесной комнатушкой в пять с половиной татами.
Было немного, самую чуточку жаль.
Ложные, рукотворные небеса, чья красота все же была неподдельной.
Бездонный космос изменился, и мои пальцы касаются скучного бетона.

Это — край. Можно идти.

Голос исходит из центра комнаты. Источник голоса — метра за два позади меня.
— А ты?

Ну, дверь есть, странно было бы не воспользоваться.

Неопределенный, колеблющийся ответ. Я сжимаю левую руку в кулак и готовлюсь разбить стену.

Кстати, я помню, ты вроде пришла с целью меня убить…

Кстати, да.
— Что ты там себе представил? На фиг ты мне не нужен, я же сказала. Да и пока ты не вышел из палаты, ты не моя цель. Наши взаимоотношения кончаются здесь. Нет, если хочешь умереть, ты выходи, конечно.
Не оборачиваясь, нащупываю бетонную стену.
Тук-тук, тук-тук. По гулкому отзвуку заключаю, что через стену попаду в коридор.
Впрочем, меня вроде очень интересовала одна вещь.
— Слушай. Ты когда-то, услышав о моей проблеме, сказал, что она большая. Почему?
Когда же это было… Уже не помню, словно тысячи лет прошли. Если уж я так, то он тем более плохо помнит.
Поэтому ответа я не ожидала. Однако…

А-а, помню. Опять же в тех словах я вроде бы тебя полюбил… Не хвастаясь, скажу, что я здесь разрешил немало проблем.
Продлевал жизнь солнцам, придумывал способы перемещения, даже заканчивал межпланетные войны. В то же время тот же самый я ничего не смог сделать с проблемами собственной семьи. Ну и вот. Это же большой вопрос, так?

«Поэтому здесь и сидим», — заключает он.
Самым эмоциональным голосом, который до сих пор приходилось от него слышать.
— Вот как. А я тогда что? Я все-таки наделала как минимум столько же, сколько и ты. И если я могу выйти из этой комнаты, то тебе не кажется, что все остальное – проблема не такая уж большая?

Да брось. Ты просто сломала проблему. Решить ее намного труднее.

Мнение без какого-либо сочувствия, де-факто.
В этом весь наш неопознанный летающий жирдяй — даже при таком раскладе стиль игры неизменен… Ну да, он действовал мне на нервы. Но мне нравятся такие проявления личности.
— Тогда я пошла. О, а я еще человек? Тут темно и непонятно, но, надеюсь, я выгляжу как человек?
Страшновато думать о расплате за все, что я до сих пор учиняла.
Как только выйду наружу, меньше всего хочется умереть от шока при виде себя.

Не волнуйся. Раз моей вселенной не стало, все, имевшее место в ней, исчезнет. Твое двухтысячелетнее приключение тоже канет в Лету.

— Правда? Отлично, срочно ломаем стенку!
Как хорошо! Если сбросится вся эта бесполезная трата времени, жаловаться мне не на что.
За спиной сначала обалдело смолкает, потом снисходительно хихикает.
— Чего? Стенобитных девочек не видел?
Оокуманеко продолжает ржать, ответив, что от меня другого не ждал.
Я бью в стену с чувством незаконченного разговора.
Бух. Я столько уже успела наломать, что это как бумага. Цементная стена обрела выход достаточной ширины, чтобы без проблем пропустить одного человека.
Из прохода лучится свет.
Комната слишком темна, и свет ламп кажется ярким, как солнце.
Так, что глаза открываются с трудом.
Делаю шаг.
Тут же решаю обратиться к присутствию за спиной:
— Ну, я пошла.
Странно. Его лица не видно, но мне показалось, что он улыбался, когда в ответ донеслось: «Давай».

↓

Я тоже скажу кое-что. Я смотрел на тебя, ломающую звезды, и мне было весело. Ты была как главный герой одного старого аниме.
— Правда? Я вроде бы ближе к главвреду.
Подумай на эту тему. Поборником правосудия быть на порядок выгодней.
— В каких это единицах?
Будь я школьником, старался бы скупить весь LP-винил с тобой. Теперь понятно. Значит, это и называют человеческой радостью.
— LP-винил?
Ага, это тоже старая культура. Но аналоговость, когда опускаешь иглу своей рукой, вполне приятна.

↓

Щурюсь от яркого света.
Там — вполне обыденная реальность.
Слились в окрошку оповещения об эвакуации, крики пациентов, выстрелы охраны, — коридоры клиники, в общем.
Не сравнимая с недавней вселенной, скучная и простенькая, моя рутина.
— Сам посуди, ну…
Тишина.
— Ты не преувеличил свою космоболь?
С облегчением и немного не в своем стиле я оборачиваюсь.
Лампы коридора едва освещают комнату.
В напоминающем деревянным обустройством сороковые годы помещении — явно проведшее здесь многие годы истлевшее до кости мертвое тело.

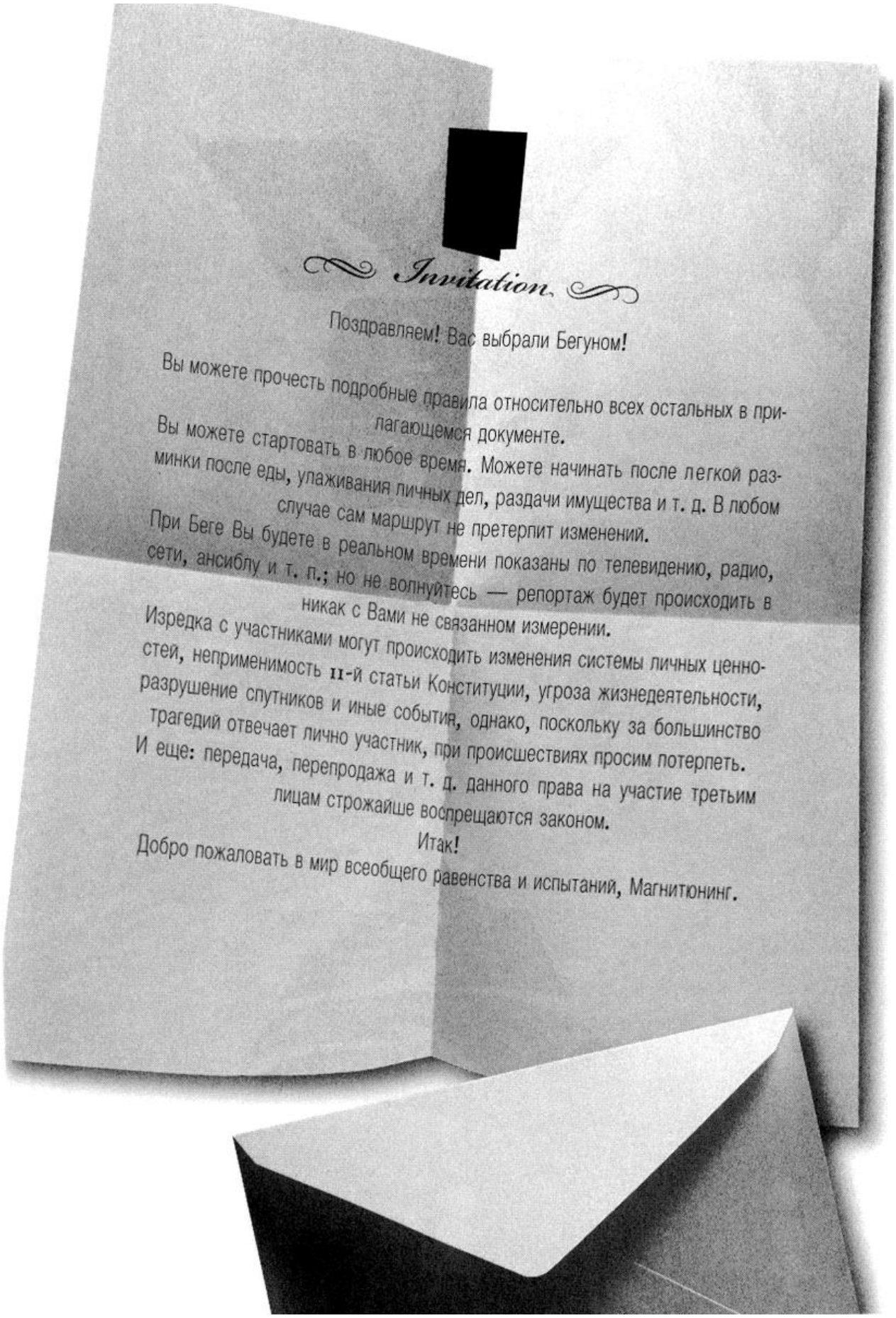
А-а…
«С начала болезни я все время жил в этой вселенной»,
«Десять лет с тех поручение, как меня вместе с комнатой перетащили сюда, никто не мог войти и никто не мог выйти наружу», — вот оно что.
Он до самого конца не смог выйти с «наружи» этого мира.

◆

— Ох.
С легким вздохом я оставляю коробку кота №404 позади.
Все это была история про одного случайного знакомого, хикикомори.
Как и сказал мужчина, который был внутри, при выходе наружу многие события забылись.
С одной стороны, и пусть их, чересчур бесполезные воспоминания, но что-то в душе вопит — сохрани их!
Умение забывать — достоинство человека.
Точнее сказать, достоинство — возможность выбирать, что забывать. Как бы ни был ужасен и извращен, каким бы злым характером ни обладал, именно эта свобода определяет человечность.
Если бы, к примеру, был человек, способный легко, без сожалений забывать собственные воспоминания каждый день, то это не человек. Настоящий демон или еще что.
Моя проблема — как раз такой демон. Гад, наделал своей сестре травм, потом добил бейсбольной битой по макушке и отправил в больницу, надо это ему ох как неспешно и тщательно припомнить.
— А… До этого я, кажется, была за доктора.
До выхода из клиники я номинально врач, и пациенты пока еще в очереди.
Да, например, вот эта женщина, которая как раз удачно топала по прямому коридору с ухмылочкой.
Она одета как пациент корпуса D и пока не замечает меня.
Только я подумала ее окликнуть, как перед ней возник охранник с короткостволом наизготовку.
— Стоять, Хильмия! — приказал он и без паузы выстрелил, но вдруг почему-то тупо выпустил очередь в потолок, закатил глаза и отключился.
Женщина сходу прихватила короткоствол и по охраннику — бах-бах-бах! И, очень весело улыбаясь, поспешила дальше.
— Вот-вот. Все как надо объекту сохранения.
Мне тоже стало веселей, и я прямиком следую за ней.
До финала клиники осталось меньше двух часов.

Беспокоящая мой разум простая и ясная проблемная реальность пока еще была в своих правах.
На этом историю о великом космосе сверну, мне надо идти решать свою проблему.
Он сказал, что это большая проблема, но, пусть неуместно и странно, я и сейчас нахожусь внутри космоса.
Да и привязанность есть — скажем, надежды.

Продолжение — потом, когда еще выпадет шанс.



Invitation

Поздравляем! Вас выбрали Бегуном!

Вы можете прочесть подробные правила относительно всех остальных в прилагающемся документе.

Вы можете стартовать в любое время. Можете начинать после легкой разминки после еды, улаживания личных дел, раздачи имущества и т. д. В любом случае сам маршрут не претерпит изменений.

При Беге Вы будете в реальном времени показаны по телевидению, радио, сети, ансиблу и т. п.; но не волнуйтесь — репортаж будет происходить в никак с Вами не связанном измерении.

Изредка с участниками могут происходить изменения системы личных ценностей, неприменимость II-й статьи Конституции, угроза жизнедеятельности, разрушение спутников и иные события, однако, поскольку за большинство трагедий отвечает лично участник, при происшествиях просим потерпеть.

И еще: передача, перепродажа и т. д. данного права на участие третьим лицам строжайше воспрещаются законом.

Итак!

Добро пожаловать в мир всеобщего равенства и испытаний, Магнитюнинг.

Invitation

Поздравляем! Вас выбрали Бегуном!

Вы можете прочесть подробные правила относительно всех остальных в прилагающемся документе.

Вы можете стартовать в любое время. Можете начинать после легкой разминки после еды, улаживания личных дел, раздачи имущества и т. д. В любом случае сам маршрут не претерпит изменений.

При Беге Вы будете в реальном времени показаны по телевидению, радио, сети, ансиблу[3] *и т. п.; но не волнуйтесь — репортаж будет происходить в никак с Вами не связанном измерении.*

Изредка с участниками могут происходить изменения системы личных ценностей, неприменимость 11-й статьи Конституции[4]*, угроза жизнедеятельности, разрушение спутников и иные события, однако, поскольку за большинство трагедий отвечает лично участник, при происшествиях просим потерпеть.*

И еще: передача, перепродажа и т. д. данного права на участие третьим лицам строжайше воспрещаются законом.

Итак!

Добро пожаловать в мир всеобщего равенства и испытаний, Магнитюнинг.

---

[3] Ansible — суперсинхронная сигнальная сеть.

[4] «Народ беспрепятственно пользуется всеми основными правами человека. Эти основные права человека, гарантируемые народу настоящей Конституцией, предоставляются нынешнему и будущим поколениям в качестве нерушимых вечных прав». (11 ст. Конституции Японии.)

1. Дверь: период 2

При выходе из этой двери начнется гонка.
Вот все, что можно было объяснить.

Например, Макари Итиро с дорожки А, может быть, заранее имел некоторое представление.
Во-первых, это состязание с другими Бегунами.
Во-вторых, расстояние до цели варьируется для каждого Бегуна.
В-третьих, предела по времени нет. Если очень нужен, то в идеале хорошо бы достичь финиша до остальных Бегунов.
Относительно первого и третьего правил все понятно. Состязание подразумевает стремление к первому месту. Второе, как догадывался Макари Итиро, было гандикапным. Насколько он понимал, в этой гонке нет ограничений по полу, расе, должности и даже возрасту. Соответственно, и расстояние пробежки должно различаться. Даже если бы среди соперников-Бегунов попался профессиональный бегун, явная несправедливость должна нивелироваться гандикапом с учетом способностей, иначе возникнет противоречие с содержимым извещения.
Макари Итиро меньше тридцати пяти, он офисный работник, каких море. Его компания по производству игрушек — средних размеров для своего сегмента, скоро отпразднует тридцатилетний юбилей. Зарплата у него несколько выше средней, на руки без малого триста тысяч иен. Телосложение среднее по весу и росту; в старшей школе грел скамейку в бейсбольном клубе; став «белым воротничком», перестал активно двигаться. Самую малость беспокоится о начинающем отвисать округлом животе. При жене и ребенке, отец семейства.
Принимает участие в гонке из-за слишком простых условий. «Пробеги всего десять километров». Исключение из правил, если судить по виденным им ранее гонкам. Условия из передачи по телевизору в электричке было таким: «Пробеги всего сто метров по минному полю». Он сошел до окончания и не знает, чем все кончилось, но по сравнению с такими вещами все крайне мирно.
Жизнь Макари Итиро на данный момент размеренная, счастливая, обыденная. Не о чем беспокоиться. На работе и в семье все хорошо. Не нужно ничего в поте лица демонстрировать.
Разве что он смутно хотел богатства. И в кошельке, и в разных других местах. В основном на скальпе.
Его стимул участвовать в гонке был негуст. И еще кое-что было негусто. Впрочем, если от такой простой гонки он получит богатство, то лучше шанса и желать нельзя. Итиро начал бежать в духе легкого воскресного марафончика. Так и не осознав, чем он сам стал.

Молодой человек с дорожки В, Атариги Рэйдзи, был диаметральной противоположностью нашего Макари Итиро (дорожка А).
Одним словом, Атариги Рэйдзи был успешным. Скульптурное лицо, здравомыслие, превосходные физические способности. Всю школу он продвигался вперед как неколебимая элита. Но он был пустым. По причине любопытства он пошел в юридический кружок, при этом даже примерно не видя себя в образе бюрократа. Что у него имелось, так это неисправимое недовольство. Он не тот человек, которому следует здесь быть. Мир не тюнингован так, как он. Такое неясное раздражение постоянно преследовало Рэйдзи. Как было бы просто, будь это разладом, имеющим отношение к переходному возрасту. Атариги Рэйдзи, невзирая на принадлежность к завидной категории успешных людей, внутренне изголодался. Считанные разы он бывал удовлетворен.

А может, он просто слишком многого хочет.
Если сравнить с вином — вино желательно пить с тридцатилетней выдержкой.
Мясо вкуснее, когда чуть-чуть с жирком.
Чтоб у животика была дуга, как лебединая шея, именно так!
Да и неприятно, если нет гладкого обаяния.
Баллы оценок гения слишком придирчивы. У одобрения Рэйдзи много критериев, и если у чего-то есть недостатки, оно не может ему понравиться. Логично, что десять лет, по истечении которых он осознал свои склонности, были для него годами аскезы. Какой ты ни будь одаренный, а какая к черту счастливая пора — дни юности мятежной, если нечего любить?
«Я до сих пор ни разу не брался за дело всерьез».
Атариги Рэйдзи принимает участие в гонке в связи с этим неотступным раздражением. Если ему ничего не дают, он тоже не может дать другим. Возможно, череда побед Рэйдзи во всем, что можно назвать состязаниями, обязана тому, как он распространяет свое раздражение вокруг себя. Он не целит на первое место. Он просто хочет смотреть на ярость других, которые не осилили первое место, и этим излечить собственное невезенье. И вот Рэйдзи и на этот раз пустился бежать. Как бы то ни было, его жизнь всегда только набирает обороты. Быстрее всех. Быстрее обычного. Бессмысленнее всех, бессмысленная, как обычно, победа. Пить слезы людей, не ставших успешными, не утоляя жажды соленой влагой. Без хотя бы такой компенсации эта унылая жизнь почти не стоит того, чтобы ее жить.

Мирно прожил эту самую «унылую жизнь» старик-Бегун на дорожке С, Бансай Сэндзю. На первый взгляд переваливший за восьмой десяток лет, Сэндзю и этим утром проснулся пораньше.
Пробуждение с рассветом — рутина старика, а смысл его дня укладывался в последующие четыре часа.
Неспешно открыл веки, поухаживал за садиком, одновременно перебирая в памяти самые занятые в жизни деньки, посмотрел, как завтракают внучата, проводил их в школу. Эти четыре часа — день Сэндзю. Остальное время — нечто вроде скучного матча: зимой вот связки заболят, нахмурится, весной же подремлет под ласковым солнышком, а так вроде и сказать не о чем. Такой день.
Единственной заботой Сэндзю в его мирные деньки были внучки. Они, тыча пальцами, приговаривают: «Деда как коленка-а». Конечно, ему говорят, мол, дети, что возьмешь. Сэндзю хлопнет ладонью по лысому черепу, недовольно вздохнет. Сейчас-то он тихий да мирный, а в молодости был атлетом, кандидатом в олимпийскую сборную. В молодые годы сила тела, сила духа, половое влечение были у него в расцвете, но вот сейчас маленькие, а все-таки женщины тычут пальцем и смеются, и на душе так муторно, слов нет. И вот дети и их дети пошли в люди. Чтобы развеяться, Сэндзю тоже решил погулять. Только к двери, а дверь в прихожей как будто какая-то странно другая; впрочем, сомнение сразу прошло.
Заметил ли Сэндзю на столике извещение, остается неизвестным.

2. В номере.

В ноутбуке открыт чат.
Или месенджер, или твиттер, не суть. У меня[5] с техникой плохо, я особой разницы не вижу.
Объясняю я тоже не ахти, в общем, чат — это такая программа, когда через компьютер говоришь с разными людьми.
В целом как телефон. Отличие в том, что разговор происходит с несколькими людьми сразу, а говоришь не вслух, а буквами, текстом. Понимаете, там не взаимопонимание намерений, а не более чем обмен мнениями.
На экране компьютера мои знакомые, безликие и безгласные, без пола и возраста, под псевдонимами, как всегда развивают турусы на колесах, ни о чем.

<Кошак> как-то мняу одиноко сегодня. обычно шумят двенадцать человек, никто еще не встал что ли?

К примеру, это сообщение.
Вот это «Кошак» в начале строчки — его позывной. Разумеется, не настоящее имя. В сети любят простые псевдонимы.
Что-то с претензией или трудночитаемое будет графоманией, поэтому предпочитают лаконичные и ни к чему не обязывающие псевдонимы. У Кошака… ну, одно из условий выполнено, ставим зачет.

<ВЧерном> За недорогую информацию спасибо большое! Значит, в XX-третьем блоке, позади здания YY? Наведаюсь как выкрою время.
<собакЪ> да там руина какая-то по тому адресу
> т.е. если верить google earth
<Кошак> это выглядит как преступление. серьезно спасибо, мяаа
<Кладовой> этот в черном как всегда… блин, мож пора вычислить адрес? кто у нас из этих?
<Формал> выведывать про ирл в интернет нехорошо. ВЧерном вправе на защиту личной жизни
> вот из-за этого вы и без работы сидите. начните с соблюдения регламента
<собакЪ> лол прайваси
> формал, даже я бы твою предъяву не стал с пола подбирать
<Кладовой> формал чет пишет заполночь и типа не безработный гг
<Формал> меня с вами не равняем. я сейчас на дежурстве. напарник патрулирует в городе.
<Кошак> секьюрити собственного дома старательный :3
> что, сегодня тоже с утра на биржу?
<Кладовой> ай да кошак, ай да сукин сын!
<Формал> …мдаа, ребята. похоже, в этом чате всем нужно начать нормально выполнять обязанности перед обществом. БезИмени, что думаете?»

А что я могу думать? Я всего-навсего пишу репортажи, мне не стоит и рассчитывать на общественное место. К тому же сейчас я по уши в сложных вопросах. У меня, если честно, нет времени перекидываться с ними мнениями. Но не игнорировать же теперь, раз похайлайтили. Я решаю ответить.

---

[5] Строго говоря, в оригинале используется безполое «watashi» — небольшой сюжетный штрих. — Пр.пер.

<БезИмени> Думаю, здесь все их достаточно выполняют. Вообще, нет такого условия, что труд и потребление должны идти комплектом. Почему нет? Пока экономика крутится, пусть будут и те, кто только трудится, и те, кто только потребляет. В итоге у всех остается лишь ответственность перед собой. Когда потребуется, со всех спросят.
<ВЧерном> Поддерживаю. Пока есть родительские накопления, сначала нужно пустить в оборот их. А когда станет нечего пускать, остается собственный ресурс тела. Молодежь должна сначала потребить что может.
<Кладовой> вчерном всегда правильные вещи говорит. здраво
<собакЪ> а кладовому дорога в цари родительских подвалов явно :V
<Кошак> безимени тоже, в целом-то. кстати, рукопись готова?
<БезИмени> Нет. Посмотрю телек, развеюсь.

Отвечая чатланам, включаю пультом телевизор.
Рукопись не клеится. И выключать ноутбук тоже как-то неохота, и вот я уже несколько часов прокрастинирую, читаю полные сленга фразы сетевого народа.
Хмурюсь на стол, заваленный буклетами отеля, материалами, конвертами, со вздохом поднимаюсь.
Позвонила на ресепшн, сказала, что продлеваю номер. Обычно нужно съезжать с утра, но в моей ситуации я даже не могу выйти наружу.

<Кладовой> оо магни начался!
<Формал> правда? по какому?
<собакЪ> ема, там старикан мой сосед!1
<БезИмени> «магни»?

По телевизору начиналось странное соревнование.
Похоже на… марафон? На первый взгляд типа стометровки, но, короче, далеко бежать. Какой-то город словно превратили целиком в сцену. Так точнее всего в том смысле, что бегут по жилому пространству.
Мужчина за тридцать, парень за двадцать, старик, супертолстяк, старомодный стерео-якудза.
Эти бессвязные личности бегут каждый своей дорогой в одном кадре. То есть перемещаются. Можно и ходить, и бежать. Главное — двигаться, как пояснил комментатор.

<Кладовой> что это за разнотравье? опять собрали неведомо кого!
<собакЪ> якудза суров :V
<Формал> промахнулись с набором, должен сказать. там всего один нормальный бегун же. смотреть не на что. парень с дорожки В победит, очевидно
<Кошак> ну, не зняю… он быстрый, и только. хвалим голые цифры? :З
<Формал> ? это марафон, разве нет?
<ВЧерном> Похоже на то. Вроде бы если добегаешь до цели, дают приз победителя.
<собакЪ> гм, а жирный тоже шустрый :V но на дорожке Е вообще суровота
> не смотри сюда якудза ололо
<Формал> о, по курсу заборчик
> ничего себе дядька прыгнул. способный. болею за общественно полезного человека.
<собакЪ> старик в гандикапе походу
> давай сосед старайся

<Кладовой> жирный проломился сквозь забоооооор!! сколько в тебе центнеров, мэн :)))))
окей, я за тебя!
<ВЧерном> На дорожке Е хорошо продвигается.

Честно, совершенно не понимаю смысла.
Похоже, чатовцы в этой передаче разбираются.
Я так, слышала слухи, а сама смотрю впервые.
Соревнование под названием «Магнитюнинг». Пятеро бегунов быстро миновали ровную дорогу, прошли кто заборчик мне по колено, кто стену мне по грудь — двигались каждый со своей скоростью.
Бегун А — мужчина за тридцать, бежит как на утренней пробежке. Со скоростью примерно пара метров в секунду.
Бегун В — парень лет двадцати, бежит, как спортсмен. Форма как на стометровке, а не марафоне, делает где-то пять метров в секунду. Шустрый, как главный герой героической новеллы.
Бегун С — старичок с палочкой, почти просто ходок, а не бегун. Скорость? О чем вы?
Бегун D давно прошел стокилограммовую отметку. Большую часть массы составляют не мускулы, а жир. Он участвует в спортивной ходьбе. Похоже, у него широкий шаг, скорость как у А.
Якудза на дорожке Е двигается быстро. Двигается-то быстро, но в скорость это не складывается. И вперед он не смотрит. Танцующая походка напоминает временный наркотический припадок. И показывать такое по общим каналам — сущее безумие.

<БезИмени> Что это за забег? Называется «Магни»?
<Формал> а вы раньше не видели?
<Кладовой> БезИмени телек не смотрит лол
<ВЧерном> Такая игра: случайно выбирают несколько Бегунов, которые потом соревнуются. Снимают любители, офис ТВ никак не связан, как-то так. Больше ничего не знаю.
<Кладовой> в названии есть Магнитюнинг, но передача или соревнование так называется, никто не в курсе. короче, мы называем «магни».
<собакЪ> а кто добежит, с тем хорошее случается
<БезИмени> Участников набирают случайно?
<Кошак> говорят, случайно и без их ведома
<БезИмени> А что насчет пострадавших?
<Кладовой> бывают, угу. иногда умирают
> ну сейчас-то трупы в прямом эфире не редкость
> кстати, делаем ставки? с меня 10к на жирного
<собакЪ> на старика ва-банк
<Формал> обмен деньгами по сети запрещен. и вообще, на спорт ставки? не стыдно?
<Кошак> мя поставит на красавчика В рарный прикид из FF. паладинский калибурн+10 с некомими, который формал хотел.
<Формал> тем не менее, обязанность взрослого укреплять с вами доверительность. 10к на мужика на дорожке А.
<ВЧерном> Десять тысяч на Е-шника.
<Кладовой> безимени?

А что я?
Я вообще не понимаю, что в этой передаче бывает. И не чувствую интереса, в отличие от ребят. Зато чувствую холодные мурашки.

Я слышала, что там умирают, а еще — что одна группа до сих пор проходит свой маршрут. Они бежали целый год, и пока ни один не дошел до финиша. Если встать на место тех, кто и сейчас отчаянно продолжает бежать, не получается так легко, как у ребят, смотреть на это с трибун.
И главное, у меня есть проблемы побольше. Не время легко смотреть с трибун с остальными.

<Кошак> а вот и летальный исход. провал в метр шириной и 8 глубиной, ну и шуточки, мня

От фразы Кошака глаза сами вернулись к телевизору. В соревновании появилось новое препятствие — глубокая яма.
Гм. Такую яму даже я преодолею.

<Формал> найс джамп! молодцом, А!
<Кошак> В вообще архар :3
<собакЪ> тезис: клюка = всемогущая :V
<Кладовой> жирныыыый х)))) застрял пузом в дырке х)))
<Формал> ай, якудза упаал!
<ВЧерном> ……
<Формал> и тут же поднялся из глубииин!
<Кладовой> челюсти штоле!

Даже мне это в голову не пришло. И я чуть-чуть поняла возраст Кладового.

Бегуны одолели провал, каждый по-своему.
Видимо, забег прошел начальную стадию. Первое серьезное препятствие ясно дало понять разницу способностей Бегунов.

<ВЧерном> Пардон, отойду по нужде.
*** ВЧерном покидает чат**
*** 12 присоединяется**
<12> хай хай! ох мне досталось :<

В чат заходит новый персонаж.
«12» — это сокращенный псевдоним, полностью Rat12. Странная личность, 12-й ребенок в семье.
Забег продолжается без эксцессов. Бросаю взгляд на часы… прошло около часа. Ужас. Столько проблем, надо уже вернуться к рукописи.
Ребята в чате радуются и грустят с каждым событием на экране. Комментаторский тред какой-то. Только что зашедший Rat12 тоже натурально вливается в просмотр. Я недоумевающе склоняю голову. Я одна, что ли, никак не вольюсь? Смутная неловкость заставляет нахмуриться, и тут приходит приват от Кошака.

<Кошак> пойми тот факт, что ты не понимаешь.

Вот и пойми.

3. Периоды 3 – 8

Бегун дорожки D, Микума Масако, как и многие другие люди, не родился раздутым. Родители его имели нормальный вид, как и их родители, в пределах японского этноса. То есть Микума Масако обрел свои внушительные центнерные габариты не из-за генетических отклонений, а лишь стилем жизни.
Он начал жиреть, когда выбрал еду как средство от стресса. Первичным поводом была незначительная несчастная любовь в старшей школе, когда он сказал соседке, с которой давно дружил: «Давай поженимся, ты сейчас прекраснее всего. Признаться, меня распирает желание. Но для семьи это правомерно». От такого признания та с кривой улыбкой замялась, а на следующей неделе съехала подальше. В памяти осталась июльская жара, приклеившая майку к телу. Масако от внезапного расставания впал в шоковое состояние, стал подолгу оставаться в доме, стал объедаться от любовного шока под взглядом участкового, как у мясника на свинобойне. Без приема калорий ни пота, ни слез не течет. Масако хотел проплакать три дня напролет. Вот насколько его опечалила потеря предмета первой любви.

С тех пор вот уже десять лет он продолжал беззаветно любить пирожки. Его тело начало требовать приема калорий хотя бы раз в час, что как минимум для его семьи точно стало печальным обстоятельством.
Наверное, груз тела стал грузом душевным — Масако избегал выходить на улицу, отстранился от физкультуры и почти перестал покидать комнату.
Когда ему пришло извещение, его родители убедились в божьей благодати. Вдруг в их сыне что-то изменится, когда он придет к финишу, а если сойдет с дистанции, как многие Бегуны, атмосфера в семье Микума все равно изменится к лучшему. Честно говоря, ни на йоту не хотят его возвращения. Этот шанс изменений в доме Микума казался единственным.
«Масако-тян, мы сегодня будем жечь варсан, прогуляйся пока».
Улыбка матери при этих словах напоминала впервые влюбленную девушку. Масако уже привык к угрозам травлением насекомых, но ланчбокс ему собрали, отказываться нет особых причин.
«Масако. Что бы там ни было, прорвись».
Напутствие отца энергично отметало любые вопросы.
Масако вышел наружу в совершенно переменившийся город. Перед их домом была трехполосная дорога, но за дверью из прихожей оказалась одна полоса, которая уходила за горизонт. Может, это и преувеличение, но шла она до виднокрая. Масако двинулся вперед, удивляясь изменившемуся за декаду городу.
«Однако почему все бегают?»
Для него куда страннее дороги оказался мужчина, робото-механически бегущий по соседней дороге.

Конечно, Бегун на дорожке E, Кейя Широ, — человек, а не робот. Лет ему тридцать пять – сорок. Прическа под полубокс и впалые щеки. Свободный костюм «дабо» перемотан набрюшником доамериканской эпохи, за который до кучи заткнут еще и кортик. Позаброшенный сменой времен, истинный слиток фильмов про мафию.
— Йо, хо, йо, хо!
С каждым шагом он высоко поднимает и опускает руки. Это строго повторяющееся, автоматическое движение напоминает зрителю газонокосилку или танцующую куклу. Исполняется с неуемной энергией, которой позавидует ребенок, бесящийся на празднике. И, собственно, Кейя Широ был в огнях «юпитеров».
Мозги плавали в бассейне из нелегальных наркотиков.

Для Широ это и был звездный час жизни.
Под «крышей» такой сквозняк, что сам себя перестаешь воспринимать. Приятно подраться, потрахаться, но это ощущение — в другом измерении. Для сравнения, он вроде как выставил извилины на улицу и летом сводил их на пляж в Атами. Атами — добро. Это брутальное чувство от того, как там в 60-х было шикарно – а сейчас как? Вообще не подумаешь, что называли «японские Гавайи». Сейчас там офигенно то, какая серебряная атмосфера из-за допуска только лишь людей за 60. Даже без популярности шарм самой местности никуда не делся. Атами пробуждает ностальгию. Только не рекомендуется ездить зимой. От поездок в зимние места в выигрыше только режиссеры ужастиков, наверное. «Какая крутая локация! Хей, Джордж, здесь с минимальными расходами можно отснять зомботу!» Ладно, хватит про Атами. Кейя Широ за свою недолгую жизнь все равно не ступал босой ногой на песок этой восхитительной для него местности.
Он не осознавал. Не помнил. Ни почему он такой энергичный, ни куда он бежит, ни даже кто конкретно он такой.
Он помнил то, как был все время заперт в пепельно-серых стенах. Как мужики в строгих формах…
«Надо же, выбрали зека».
…вломились в комнату с подозрительной бумажкой.
Что-то шумели про какую-то амнистию, про порядок исключения. Говорили, что исполнение отложено на сутки.
А потом, словно чураясь взглядов, появился мужчина в черном. Мужчина ширнул Широ якобы вакциной, а на самом деле транком:
«Сечешь? Давай, чтоб разобрался».
Вмиг Кейю Широ окутал свет.
Все-все как в тумане, но в тех словах был сильный ветер, сделавший их ясными.
Разобраться. Кому? С кем? Зачем? А что собралось-то? Непонятно. Все неясно. Но с кем-то надо. Времени у него нет. Даже без участия в забеге у него оставалось мало времени. Даже сейчас в выбеленном шаре черепа его «я» вопит. Что «конец» не равняется «подъему». Я жил, чтобы подняться! Засунул он кортик под набрюшник, распахнул дверь и выскочил во внешний мир.
Безумный, не помнящий собственного имени бегун.
Зато у него есть цель. Но он забыл, какая.

Спустя час после старта в забеге произошли перемены. Проблемы были не только в приготовленных вредных предметах по курсу. Из-за забега по городу неизбежны столкновения с его обитателями, третьими лицами.
Первыми появились двенадцать крыс.
Макари Итиро с дорожки А поначалу внимательно наблюдал за мелкими зверьками, но понял, что они не стремятся навредить, и стал полностью их игнорировать. Продолжал держать темп, что бы там с ними ни было. В воздаяние…
— Ай!
…его трагически цапнул за ягодицу пес. Однако, хоть укус был и до крови, он как-то излечился и не сбился с темпа. Итиро планомерно, словно показывая стиль всей своей жизни, меряет шагами свою дорожку. То, что зацепило его душу в середине скучного марафона, было определением богатства. Несмотря на то, что мужчина начал забег, желая богатства, он понял, что понятия не имеет, что же считать богатством. Перенапряжение мышц при беге, кислородное голодание. Короче, так называемая эйфория бегуна дала ему случай познакомиться с собой. Что есть настоящее богатство? Итиро не так юн, чтобы наивно думать про банковские счета или уровень жизни. Человеку необходимо богатство собственным здоровьем. Иначе мир был бы слишком абсурдным. Но… ох, как задница болит. И даже ноет. Итиро сотрясается от суетливого раздражения, будто он под чьим-то прицелом. Собака же не была бешеной?..

Разумеется, это ему не кажется, и дело в Атариги Рэйдзи.
Рэйдзи не в пример своему облику крутого пацана был молодым человеком, полным любви к живой природе. При каждом шаге (или что там при беге делают) он высоко подпрыгивает, чтобы, не дай бог, не наступить на крысоньку. Удары при приземлениях нагнетают усталость в бедра, но для него жизнь крыс важнее своего тела. Не терпит он только самок своего вида. А относительно мелких животных он был философичен, аки Будда. Спасет ли в итоге молодого человека его сострадающее сердце — честно говоря, в данном случае неважно.
Скорость Рэйдзи ничуть не убавляется. Его сила ног, тела, разума делала его лучшим Бегуном из пятерых, и победу можно было считать решенной. Сам Рэйдзи тоже уверен, что победит. Опять закончит победой этой унылый, жалкий человек — он сам. Победа в этом забеге не сможет утолить его жажды. Зачем он состязается в этом дешевом конкурсе? Он проклинает общество, на самом деле желая другого, что можно ясно излагать на письме, но не вслух. Рэйдзи отчаялся не в себе — в этом мире, который записал его в меньшинство.
— Ай! — донеслось вдруг с соседней дорожки. Он посмотрел на Бегуна A, которого цапнула за жопу собака. За жопу. Не «ягодицу». А те, кто не понимает этой тонкой, но такой большой разницы, могут идти в жопу — вот обычный ход мысли Рэйдзи.
Не было времени даже на колебания. Рэдзи инстинктивно — а на вид по-спортсменски — без промедления наложил на жопу человека с дорожки A лейкопластырь.
У Рэйдзи всегда наготове лейкопластырь, на случай, если вдруг вот такое случится. Нельзя отметать вероятность, что однажды в жизни может представиться шанс, когда незнакомый мужик поранит себе ягодицу и будет страдать.
Бегун с дорожке A не заметил ловких действий Рэйдзи и продолжал бег. Топ-топ-топ-топ. Непритязательный, но ритмичный стабильный бег завораживал взгляд Рэйдзи.
— Правильная форма…
О, этот миг, когда взгляд бегуна становится взглядом охотника.

Однако охотником в истинном смысле был Бансай Сэндзю, что на дорожке C. Когда первая крыса перебежала ему дорогу, старик воздел свой посох.
— Пшли!
Клюка не знала жалости. Вторая крыса, бежавшая под ногами Бегунов, отдала концы под ударом Сэндзю. Стариков надо уважать, ибо есть за что. Это человек старой закалки, воин, когда-то в окопах Рабаула сломивший врага с одной 38-й[6]. Сэндзю ни в грош не ставит безопасность помехи, куда уж там жизни серой мышки.
— Пшли!
Да, не будь той войны, потенциальная олимпийская слава Сэндзю не померкла бы, и жизнь его сложилась бы иначе. Но былого не воротишь. Он не чувствует, что его спокойная жизнь прошла впустую. Кажется, он получил практически все, чего хотел. Молодость, семейный очаг, дети, внуки, бонсай. Сам Сэндзю считает довольно-таки жестоким при всем этом цепляться за жизнь и дальше.
Если он все еще чего-то и хочел бы, так это желанного напитка на дорожку.
— Нахальные американкашки!
Третья крыса обошла страшную клюку по дуге. Сэндзю проследил за ней взглядом. Крысу сграбастал Бегун с дорожки D.
— О-хо.
Бегун на дорожке D, с глазами еще неколебимее Сэндзю, ел крысу с головы. Хрумкал.
— Крыса вкуснотища!
— Бурдючище мужик.

[6] Арисака тип 38 образца 1905 г.

«Если вдруг придется в чем-то соревноваться, тот тип победит», — вдруг подумал Сэндзю и тихо ухмыльнулся.

Но старик не знал, что армия грызунов наступала не только с севера. Южный отряд в это время надвигался широким фронтом. Все их планы нарушил дьявольский боевой прием Бегуна с дорожки Е, Кейи Широ.
— Пи-и, ой, пи-и, ой!
Ритмично перемалывает набегающих крыс. До недавних пор словно подернутый мраком, Широ-без-башни ожил, получив пронизывающее возбуждение в левой руке, и снова был озарен.
Эта эйфория так же нестерпима. Руки-ноги как перышки, кортик легко выходит из ножен. Перед глазами — наседающие крысы. Широ взблескивает клинком.
— Хох, ха, хох, ха!
— Пи-и, ой, пи-и, ой!
Рубит все, что оказывается в зоне досягаемости.
Мастерские смертоносные мгновенные тычки. И тут вдруг…
— Нет, это не они.
Делает он то, что нужно, но вроде бы не с теми; так начинает вспоминать свою цель Кейя Широ.

4. В номере.

Магнитюнинг приближался к 6-му периоду.
Какой бегун чем занят — видно с полувзгляда, но кто лучший — непонятно.
Пописывая на ноутбуке рукопись, смотрю за развитием событий в телевизоре и в чате.
Наверное, в наступающую эпоху скилл многозадачности будет считаться обязательным.
Смотреть кино, делая работу, критиковать, смотря кино. Или потреблять продукт, глядя на критику.
Как пользоваться жизнью, как ее проживать — способы коротать личное время за последние несколько лет будто вмиг ускорились.
И это странное соревнование тому пример. Точки зрения, не более чем личные мнения, подбрасывают материал в единую историю.

<Кошак> БезИмени: как оно, пишется?
<БезИмени> Потихоньку. Номер я себе продлила, и стало поспокойней. Хочется все-таки закончить за сегодня.
<Формал> ты в командировке, кажется? пишешь работу в отеле?
<БезИмени> Да, хотя обычно по сетевым кафешкам. Решила на этот раз сменить обстановку, но, похоже, это было плохим решением. Облом.
<собакЪ> так вот чего ты взаперти сидишь D: что, негритосишь? пока не сделаешь, не выпустят?
<Формал> еще бы. безимени не такой человек, чтобы бросить работу и загулять.
<Кошак> Формал: БезИмени, залогинься…
> никто не бегает по отелям, когда делает работу как следует.
<собакЪ> киса рубит :V сплеча
*** ВЧерном присоединяется**
<ВЧерном> А вот и я.
<Кладовой> о. йо, ВЧерном
<ВЧерном> Как там забег?
<12> халп! какой-то ад творится несусветный

12 говорит правду — для крыс забег был полем боя. Что бы сказало общество защиты животных?.. Впрочем, я не помню такого общества, которое защищало бы крыс и мышей. Видимо, у крыс тоже были какие-то крысиные мотивы. А может, находниками в данном случае были не крысы, а как раз люди.

<Формал> однако мораль там у них ниже плинтуса, меня как такого же японца бесит. крысы тоже живые существа, а умирают просто за то, что глаза мозолят? мне страшно жить с ними на одной Земле.
<12> хз хз. крысы на то и крысы, не? плодятся как крысы и мрут как крысы
<Кошак> да-да. не поздновато им сочувствовать из-за шоу? что-то кушать охота, пойду в себя закину чего.
*** Кошак покидает чат**
<Формал> сетелюди, мля. такие как вы не понимают ценности жизни. сидите у родителей за пазухой. хуже животных. буквально паразиты.
<Кладовой> хихи сорьки :))) паразиты это вкусно :)))
<ВЧерном> Можно без ссор? В кои-то веки нормально общаемся… Кстати, вопрос ко всем: вы знаете городские байки в связи с Магни?

Вопрос ВЧерном мне полезен. Я до сих пор никак не найду в себе магни-азарта, так что хочется слышать не столько о Бегунах, сколько о самом состязании.

<Кладовой> я слышал, магни проводят в другом мире
<Формал> вроде бы участникам стирают память.
<собакЪ> говорят, там главное - сам бег, не обязательно марафон D:
<Кошак> частенько любители помочь или помешать бегунам исчезают[7]
<ВЧерном> А про условия выбора участников? Я тоже хочу поучаствовать при возможности.
<Формал> шутишь, что ли? мне вот совсем не хочется. меня моя жизнь устраивает.
<Кладовой> меня тоже не тянет в мир иной. ах да, вроде участникам приходят письма. в конвертах лежат извещения.
<ВЧерном> Да, про это я знаю. И что когда берешь письмо в руки, дверь изменяется.
<Кладовой> да-да, слыхал такое. что там, внезапно дверь на улицу краснеет?
<БезИмени> Нет. Не цвет, а внешняя и внутренняя стороны меняются местами.
<Формал> о. кошка пулей рванула через дорогу. кошка убивает крыс и мышей, тут не вопрос. убийство ради пропитания - основа природы.
<собакЪ> якуза опять чудит :V
<ВЧерном> Тц, опять!
> Отойду, в туалет надо.
*** ВЧерном покидает чат**

С уходом завязавшего беседу ВЧерном тема баек закрывается.
Забег подходит к концу 7-го периода. Трудно поверить, но между Бегунами почти нет разрывов. Ну, вот сейчас якудза с дорожки Е подтормаживает.

*** Кошак присоединяется**
*** 01 присоединяется**
<Кошак> омномном :3
<01> хайхай! ох мне и досталось
<12> братан, молодцом выжил
<01> а всяким 12, которые сбежали первыми, я потом вирусяку отправлю >:3
<собакЪ> беда! дед ща заснет :V
<Формал> ты-то откуда знаешь?
<собакЪ> да он всегда дремлет в полдень D: пойду разбужу
<12> нэ хады! всэрэдыну не хады да! савсэм мортвый будэщ
<собакЪ> спасибо за беспокойство :V но если кошка может, почему я нет? пошел кароч
*** собакЪ покидает чат**
<Кладовой> давай о/
<12> пии.. :<
<Формал> с собаком точно все будет нормально? ведь только что говорили, что если вмешаешься, умрешь.
<Кладовой> якудза щячло отакэ xD круто, девятый вал!
<Кошак> а дедок-то и правда заснул. мня

Про покинувшего чат собакЪ-а все через одну строчку позабыли.

---

[7] Получается, что Кошак отвечает ВЧерном, не будучи в чатруме? — Пр.пер.

Такая уж вещь эти беседы по компьютеру. Наши действия есть лишь фундамент для диалогов. Издавна говорили: «Читайте книги между строк!» — но в чате читка между строк несостоятельна.
Если подумать, производимое между нами подобие беседы не отличается от этого забега. Каждый и каждая вбивает те фразы, какие удобно им, и изначально бессвязный текст принимается как некая единая история.
Между тем, как и отмечает Кошак, старик на дорожке С заснул. Но забег продолжается. То есть старик остановился, но продолжает присутствовать в кадре.
…Все не так.
Я все думала, что же неладно с этим забегом… Это не соревновательный бег. Я фундаментально недопонимала эту передачу.

<БезИмени> Погодите-ка. Что за бред?
<Кошак> мя? где бред?
<БезИмени> Да везде. Вот к примеру, почему они бегут? Им никто не гарантирует, что на финише будут плюшки.
<01> топот — это жизнь! :>
<12> и почему люди ленятся :<
<БезИмени> Какие правила у этого забега? Как он устроен? Кто организатор?
<Кошак> а это все нужно? :З
<Кладовой> во-во. как раз клево, потому что ни фига не понятно.
<Формал> вроде был фильм, где кто-то просыпается запертым в кубической комнате и бродит по лабиринту в поисках выхода? там еще умираешь, когда открыл не ту дверь. вот и тут что-то такое.
<12> пии. первый Куб самый крутой
<01> пии. до третьего норм

…Я тоже знаю этот фильм. Обычный человек просыпается и оказывается посреди лабиринта из кубических комнат, и потом он и такие же ищут выход. Саспенс. Кто, с какой целью и почему создал этот лабиринт? В фильме причина не раскрывается. Персонажи тоже не добираются до истины. Но они все участвовали в создании того лабиринта. Кто-то приваривал мелкие детали, кто-то перетаскивал лабиринтные ящики, не зная, что это, кто-то писал контролирующее лабиринт программное обеспечение… В конечном счете, история была сатирой, демонстрацией проблемы, когда общество «не знает, с чем связывается, не понимает, что творит».
В сознании всплывает недавнее приватное сообщение от Кошака.
Есть в обществе то, чего лучше не понимать, вещи, в стремлении к пониманию которых долго не продержишься. Неужели этот забег — воплощение их? Поэтому ли нельзя ввязываться?.. Значит, нам лучше только смотреть?
Но так не пойдет. Как минимум, лично я должна выяснить истинную природу этого забега. Думаю я себе, страдаю, и снова лично мне от Кошака приходит:

<Кошак> у телевизора сбита настройка.

Да кто ты есть-то, а?

5. Периоды 9 – 12

В то время как Макари Итиро стремился к своему богатству, забег приближался к заключительной стадии.
Он уже достаточно пробежал, но дыхание Итиро не сбилось. Одно дело школа, а сейчас-то в этом тридцати-с-лишним-уже-летнем теле откуда столько сил? — мелькает вопрос на подкорке Итиро. Он более прозорлив, чем думает. Видит ли он сон?.. Может, и километра не пробежал… да что там, может, не добежал стартовую прямую? Вроде, в этом забеге счет идет не на расстояние пробега, а на что-то другое, метафизическое? Пытаясь избавиться от своих сюрреалистических мыслей, Итиро бежит. Как бы то ни было, рано или поздно он добежит. Если и есть что-то нескончаемое, то скорее уж оно будет из области снов. Опасных для жизни препятствий тоже нет; достаточно держать темп, и, хоть без первого места, он должен добежать. Мужчине забег начал надоедать, и он принялся в своем духе искать точку соприкосновения, условия компромисса. Ожидать самого среднестатистического итога. Не осознавая, что именно это и есть его оковы и узы.
Компромисс Итиро отложила вдруг появившаяся красотка.
Красотка невероятная. Словно собравшая в себе всевозможные детали красивой женщины, которые Итиро воображал. Как Нака Рииса во втором имидже. Гламурная, но не без чистоты, словно цветок King protea. Итиро подыскивал сравнения, но не хватало слов.
И эта красотка послала Итиро воздушный поцелуй. Просто так, из баловства. Словно льнущее, ласкающее не только губы, но все тело прикосновение губ.
Богиня одновременно с появлением исчезла, будто из баловства.
Захваченный совершенно врасплох, Итиро не мог отреагировать. Его щеки алели, в паху билась кровь. В некотором смысле зарядка была завершена. Но даже среди такой благодати в его голове была лишь обыденная реальность.

«Надеюсь, жена этой сцены не увидела».

Итиро бежит, по возможности облекшись в спокойствие. Никакой личной свободы. Что он сам, волнующийся о семье, что его меньший собрат в наипенисной форме. Какая еще богатая жизнь, если нельзя честно порадоваться этому поцелую? — ехидничает над собой Итиро. Этого момента провидение не упустило.
— М-м-м, а этот — славный мужчинка.
Чмак! На этот раз ощущение на плоти губ.
Врасплох. Сначала красотка, теперь это. Итиро растерял остатки спокойствия. Он осознал, что перед ним был переодетый в бабу дядька. Заряд вмиг ушел в ноль. Итиро бежал, и по щеке его катилась скупая слезинка. Мужчина чувствовал, что потерял что-то очень важное.
Потеря в ментальной плоскости отразилась и на физическом состоянии. Так любовно уложенное сокровище. Украшение головы, что являлось ни чем иным, как верным его сотоварищем долгие годы, отправилось по ветру.
— Мой парик…

Атариги Рэйдзи с дорожки В внезапно бежал не туда. После чистого первенства — непредсказуемый сход с дистанции. Почему-то он сделал крюк длиной в первый период и вернулся на дорожку.
Черты лица заострились. Эмоциональный фон сошедшего с дистанции Рэйдзи составляло раздражение. Он раньше всех заметил это. Рэйдзи, берущий высочайший балл и на обследовании у окулиста. Появление на маршруте бесстыдно выставившей монструозную плоть напоказ уродливой твари он засек еще до первого периода. С маршрута он сошел

затем, чтобы держаться от твари подальше. Превосходный навык принятия решений и сила ног обезопасили Рэйдзи, но внутренне он был в ярости.
Отвращение к самкам свербит в груди, побуждая к насилию. Этого импульса провидение не упустило.
— Ой, и этот славный м…
— Charge!
— А-ах! ~♪
За движениями Рэйдзи невозможно было уследить. Вдруг возникший перед ним дядька в бикини равнялся для него жертвенному агнцу. Все-таки мужик сжимает как надо.
Сфинктер иначе, как вратами рая, не назвать, — холодно усмехнулся Рэйдзи. Одно он может сказать наверняка — когда входишь сзади, мужская спина выглядит решительно артистичней.
— Счастливо.
Пышущий семенем славный мужчинка, Атариги Рэйдзи, подмигнул попользованному дядьке и вернулся к забегу.
М-да. Как уже пора догадаться, он — гей.
Рэйдзи неудовлетворен и тем, что его ориентация все еще плохо признается цивилизацией, и тем, что не может найти идеального партнера.
Сравнивая с вином: уже упоминалось, что хотелось бы зрелого, тридцатилетней выдержки; короче, Рэйдзи предпочитал чуть обвисшее, поросшее жирком тело за тридцать.
Разумеется, одно только это его не порадует. У него есть экспертное мнение и по ощущению жопы в руках. Бедра, тренированные в годы старшей школы, времена наилучшего физического развития, и в тридцать с лишним щеголяют внутренней массивностью. М-м-м.
А уж про размер хозяйства и говорить нечего. Как раз половой орган того, с дорожки А, которого бессознательно полапал Рэйдзи, который только что чистым прыжком избежал личиночной туши мерзостной твари, — вполне желательных свойств.
И последнее — голова. Рэйдзи не терпит украшательств. Пластических операций. Брендовых вещей. Не терпит неприглядности людей, не желающих смотреть в лицо истинной природе, пытающихся приукрасить отдельно внешний вид. Напомаженные, нафиксаторенные волосы — символ проблемы. Короче говоря, он — любитель лысин.
Вот такие у Рэйдзи притязательные критерии. Если решать без опасения недопонимания: правило «три страйка = аут». Он отчаивается в обществе, не признающем его половых предпочтений, но отчаивается и в возможности найти любимого человека.
Мир был для Рэйдзи темным-темен. Да и сейчас в прямом эфире стал полный мрак.
Видимый мир вдруг заволокло тьмой. Он озадаченно протянул руку к лицу, и по пальцам что-то залохматилось. Это был виг, это была накладка в смысле искусственных волос.
— Парик…
Глаза Рэйдзи как магнитом потянуло. То есть — мужчина с дорожки А…

«Гав-гав-гав-гав».
Привычные звуки собачьего лая разбудили Бансая Сэндзю.
Напрягши тяжелые ноги, он возобновил прогулку, но задумчиво склонил главу — а куда я, собственно, иду? К Сэндзю еще не пришел старческий маразм, но он болезненно забывал большинство вещей за время сна.
— И ладно, пойду — авось увижу.
Однако что за бродячая псина его разбудила?
Сэндзю подкармливал бездомного пса с десяток лет тому назад. Пес к нему привязался, но в один прекрасный день взял и запропал. Не дело спать среди дороги, дед. А если переедут. Когда Сэндзю дремал в парке, пес обязательно подавал голос, хлестал хвостом по дорожке.

Когда он исчез из района жительства старика, тот перестал сближаться с собаками. Не то чтобы храня верность, но решив, что вряд ли найдет животное, с которым будет ближе, чем с тем псом. Ему показалось, что только что прозвучавший лай походил на голос старого друга. Что, если тот пес преодолел время, чтобы предупредить его?
— Хрм!
Как бы то ни было, глаза Сэндзю под старыми очками просияли. Вернулся тот самый соколиный взор, что в войну высматривал цели в прицел. Расстояние до цели — тридцать метров на глазок. Скорость его перемещения не позволяет вступить в конфликт. Так он упустит цель, решил Сэндзю и заторопился.
— Давай и ты, дедушка, постарайся!
Пом! Даже не так — «прунь».
На лысеющей голове два плотных ощущения. Дарованных явленной, подобно небесной деве, красоткой ощущений, аромата было достаточно, чтобы он позабыл собачий лай — воспоминание былого. Да я еще совсем не промах! Мужественно воздет пенис. Не по возрасту обретший половое желание старик видит перед собой какого-то гея.
— Пшел!
— А-ах! ~♪
Одного движения клюкой хватило, чтобы отправить гея к небесам. Старик стариком, а умений хватало, чтобы затмить пубертатного (в его-то годы) красавчика.
Разумеется, Сэндзю это безразлично. Из-за заднего прохода мужика остаточный кайф от той милашки испарился. И солнце уже спряталось. Сэндзю засобирался обратно домой, и ему предложил помощь прохожий ребенок.
Девочка лет восьми — возраст как у его внучки. Они вместе свернули в сторону и прошли тротуар, а потом девочка помахала рукой и ушла.
«Деда как коленка-а!»
Заставило вспомнить. Сэндзю от встречи с девочкой вспомнил, зачем пришел. Ну точно ведь. Он вышел из дому за покупкой.
Походка старика несколько ускоряется. Вспомнив свою цель, старик в видимом возбуждении повернул по тротуару обратно. Дунул с неба ветерок. На белой черте, протянувшейся вдоль дороги, плюхнулся…
— Парик…
Рядом взвизгнул и раскатился шумным эхом звук тормозов патрульной машины.

На момент несчастного случая на дороге Микума Масако бежал по дорожке D. Так, как до недавних пор не бегал. Бежал и бежал так, как, можно сказать со всей определенностью, ни разу в жизни не бегал.
Он не отреагировал ни на вывернувшую из-за угла злобного вида псину, ни на вдруг появившуюся красотку, ни тем более на заголившегося гея, но рванул вперед при виде девочки на тротуаре.
Девочка, что явилась Микуме Масако, умещалась в одно слово: милая. Ему сжало сердце. Еще не знавшее взросления точеное тело. Среднеполое строение лица, когда еще трудно отличить девочку и мальчика. Девственно-чистое сердце, которое мир не совсем вписал в себя, не ведающее ни зла, ни предрассудков. Микума Масако влюбился во второй раз в жизни.
Для него мужчины, женщины, геи и лесбиянки — создания из другого мира. Никакой разницы с инопланетянами. Ему бы даже хотелось, чтоб они все переселились на планету обезьян. Одни лишь юные девочки были для него правдивы и истинны.
А еще вдруг появившаяся девочка чем-то неуловимо напоминала его первую любовь. В основном точное совпадение было по возрасту. Несмотря на вызванные возбуждением проблемы с дыханием, Микума Масако и заговорил с ней потому же, что его чувства возникли так ярко.
Впрочем, со стороны он выглядел словарно-энциклопедическим извращенцем.

Маленькая девочка убегает. Толстяк преследует. «Опять ты за свое, кабан», — бежит следом полисмен. «Спасите-е!» Маленькая девочка убегает. Толстяк мчит. «Кабану место за стенкой свинарника!» Полисмен бежит. Толстяк удирает. Жизнь — замкнутый круг. Полисмен заметил, что орет на самого себя из недавнего прошлого.
Масако волей-неволей вспомнил школьную пору, летний день, когда майка липла к потному телу. Да-а, вот так же я в тот день удрал в свою комнату…

Однако, какой бы ситуация ни была, способному вспоминать прошлое Масако ох как повезло. Бегущий по дорожке Е Кейя Широ до сих пор не мог внятно осознать себя.
К примеру, где недавний солнечный вид? Прокатившись по грязи, он поднял голову, чтобы увидеть, как убегает безголовая собака. Это дурной сон. Потом он употребил женщину. Такая женщина даже задом не может подмахнуть без дозы. Прелести меньше, чем в глотке воды на марафоне. Бросил на дороге, ясное дело. Ощущение, что детали глубоко в голове сжались — дзынь!
— Нет, это не то.
Потом появился мужик средних лет в бикини. Дзынь! — искрит глубоко в голове. Кажется, водился когда-то в жизни с людьми такого сорта, понял Широ, делая очередной шаг к себе.
— Нет, это не то.
Разумеется, от гея избавился без жалости.
Вскоре муть попустила, пропал и заливавший все свет. Затемнение, мрак, потеря. Вместе с ощущением яростной силы в руке, с возвращающейся формой сознание Кейи Широ погружается в непроглядный мрак.
Он многое потерял. Ему было невыносимо терять что-то еще, что почти было у него в руках. Сбавив скорость, Кейя Широ попробовал вспомнить хотя бы то, что было, когда он вышел из той двери.
Повторяются просто слова, уже без понимания их смысла.
За решеткой. Мнистия. Извещение. Отсрочка исполнения.
Мужчина в черном костюме. Вакцина. Разобраться там. Разобраться.
Но что собралось-то?
«У тебя ведь есть дело перед смертью?»
Так шептал Черный костюм. Смерть. Слово «смерть» воскрешает мозг Кейи Широ. Да. Смерть. И отец, и братья, и брат в родной деревне, и семья — всех довели до бедности предельной, смертной.
Кто? Непонятно. Вот только в соучастниках того был он сам. Поведшись на понтовую телегу, уничтожил родню — он сам, Кейя Широ.
— Ого, вспомнил?
Со спины к Широ подходит человек в черном костюме. Получив неведомо какой по счету укол вакцины, Кейя Широ снова погрузился в сияние.
— Скоро завертится дело, братан. Последний шанс. Не подведи.
Слова Черного костюма напомнили Кейе Широ нечто забытое.
Он давным-давно позабыл семью, братьев и всех остальных. Его психика распалась уже настолько, что не понять, что она вообще есть. Для нынешнего Кейи Широ определено только одно слово. «Месть».
— Во-от так. Давай, убей их всех.
Зачем лишний раз говорить. Он перебьет все, что попадет в поле зрения. Данс-макабр безымянной коппелии.
Последний одиночный забег киллера стартовал.

6. В номере.

Магнитюнинг вступил в 9-й период.
Был ли Собакъ, вышедший с желанием пойти разбудить знакомого старика, тем же псом, который появился на треке, — неясно.
С начала передачи в моем номере прошло четыре часа. Если этот забег идет в прямом эфире, выходит, что эти люди бегут соответственно четыре часа.

<Кошак> БезИмени: как там рукопись?
<БезИмени> Движется. Похоже, за сегодня добью.
<Формал> гм, у БезИмени был бы двигатель, а скорость-то будет. кстати, сколько суток ты уже там?
<БезИмени> Сегодня продлеваю шестой день.
<Кладовой> серьезно?! т.е. ты уже 6 дней не выходишь? дедлайны вообще нормально так затягивать?
<БезИмени> Не проблема. У этой работы конкретных сроков нет.
<01> …пии?
*** ВЧерном присоединяется**
<ВЧерном> Вот и снова я. Как проходит забег?
<12> собакъ умер, пии… :<
<Кладовой> никто не выжил (j/k)
<Формал> ну вот, помехи пошли. кто там первый сейчас?
<12> ……ви таки серьезно?
<01> ……похоже на то
<Кладовой> лел, формал до сих пор не понимает правил магни :V
<Формал> ну что такое, говори прямо уже! флеймить да еще снисходительно так… развлечения ниже среднего по больнице. запарили больно умные безработные. и, Кладовой, фу прикидываться собакъом.

…Пронесло. Если бы не фраза Формала, я бы сама спросила то же.
Кто первый?
С первых кадров шоу это вопрос сомнительный. Когда старик на дорожке С заснул, я поспешила с выводом, что наконец-то появится отстающий. Однако даже спящий старик продолжал участвовать в забеге.
Строго говоря, продолжал находиться в кадре.
Если подумать, из одного этого можно заключить, что данный забег — состязание не на скорость бега. Нет, они вообще соревнуются между собой или нет?

<Кладовой> воу, фигасе леди?! в этот раз обалденные вкусняшни участвуют!
<12> дед только что секунду шел лунной походкой :> дофига кадров, пока камера доползла ей до груди
<Кошак> жирдяй сильно любит онигири, мя?
<01> пии. леди с якудзой совокупляются :> мне как ребенку такое слишком круто :>
<Формал> э, блин, чем там вокруг заняты? остановите якудзу
<ВЧерном> Никак. Во время забега запрещено вмешиваться в действия бегунов.
<Формал> не ну должны же быть пределы. у Японии есть законы!
<Кошак> мняааа. красавчик на В показал себя
<01> чуваку с D и на гея покласть :o
<Формал> ?!

<12> башка гея слетела?!
<Кладовой> Алиса, останови Красную королеву :))))
<Формал> да они сдурели. я этого сносить не стану.
<Кладовой> о-о. формал, ты живешь рядом с этим треком? типа ща сходишь посмотришь?
<Формал> пойду поймаю этого якудзу. научу вас, что такое правосудие.
<Кладовой> ни в чем себе не отказывай ;DD
<12> формал суров на словах :>
<Кошак> Формал: лучше не ходи
<Формал> идите на фиг. пока, мусор, сидите всю жизнь за компом, думая, что правы!
*** Формал покидает чат**
<01> пыщ, минус один надоеда :> йей
<ВЧерном> Тц, опять…
<Кладовой> <ВЧерном> Тц, опять… - что такое?
<ВЧерном> Да тут. Простите, отойду в туалет.
*** ВЧерном покидает чат**
<Кладовой> срсли, опять :))) вчерном живет в туалете? :)))
<01> кто-нть знает, кем ВЧерном работает?
<БезИмени> Вроде бы лидер какого-то объединения. В прошлом году они довели компанию-конкурента до развала и так нестандартно выбились в свет. Я слышала, сейчас они заняты междусобойней в группе, будут бить по превышению полномочий и чистить исполком.
*** Сиське присоединяется**
<Сиське> убью нафек. долбаные якудзы. вот как у питера джексона в кинг конге была долина насекомых. вот туда их. всех их в долину и убью
<12> пии! хай сиськам! :>
<01> пии! наша Кузухара-сан пришлаааааа :>!
<Сиськи> привет, мышатки. как то вас мало
<12> естественный отбор :о я был в роли, такшо мне только дышать свободнее, что своих мало :>
<Сиське> ясненько. кузухара это кто. знакомая?
<01> если не знаешь, все ок :>
<Кладовой> сиське, включи телек. там магни
<Сиське> нафек эту гадость!!

Леди Сиське не испытывает интереса к Магнитюнингу. Она… ну, на пол ориентироваться в сети — гиблое дело, но с таким именем говорить «он» как-то не тянет… она нечасто появляется в чате днем. Сегодня не на работе, наверное. Зато при этом какая-то резкая; вероятно, у леди Сиське в целом плохое настроение, и никто ничего не подозревает. Забег, кажется, вступил в финальную стадию.
На Бегуна с дорожки А личностный кризис лег тяжким бременем, и его гонка терпела крах в плане ускорения.
Забрали парик. Подобрал старик. Переехал патруль. Возбужденный толстяк. Сбегающая девчушка. Безумствующий якудза. Под конец 11-го периода хаос неистовствовал с еще большим размахом.

<Сиське> какой клевый там на второй дорожке… странно, вроде не было похожих…
<12> «внешность обманчива», брошюра для юных дам :>
<01> у сиськ садистские наклонности и девичья душа, поэтому парня у нее нет :о
<Кладовой> ОГО, дедка переехал патруль?!

<Сиськe> отмучился. жалко его.
*** ВЧерном присоединяется**
<ВЧерном> И снова я. Как там дела на дорожке E?
<Сиськe> а. и ты здесь вчерном
<ВЧерном> Данные с E?
<БезИмени> ВЧерном: двух мимохожих здоровяков застрелил.
<ВЧерном> Без Имени: спасибо.
<01> а дядька с A оказался лысый :>
<12> зато хера до хера D:
<Сиськe> а на второй
> да он гомик!!?!7
<Кладовой> так. КОП на хвосте у жирдяя. миг просветления!
<ВЧерном> ...Тц, опять. Обычный препарат уже не берет... А там еще трое.
<Кладовой> Тц, опять - что опять, ВЧерном?
<ВЧерном> Достал. Туалет опять.
*** ВЧерном покидает чат**

Как и ворвавшийся в 12-й период забег, фразы комментирующих ребят теряют осмысленность. В том, как они при этом складываются в текст, я как литератор ощущаю ужасающую вероятность.
Эпоха акцента на сюжете давно ушла. Сейчас индивидуальное бормотание персонажей и читатели, которых этим цепляют, дополняют и реформируют, и есть современный субъект индустрии развлечений.

В нашу сетевую эпоху каждый шоумен. В чем отличие от Бегунов в Магнитюнинге? Они уже предоставляют друг другу свои жизни в качестве аттракциона.
Совершенно ничем не связанные люди детально соединены. Этот забег, нет, сама жизнь, наверное, не стоит внимания, если ты — отдельно от всех.

<12> появляется черный чувак in charge!
<01> умирает черный чувак in charge!
<Кладовой> омг, якудза несравненный :))))
<Сиськe> хм. тот который похож на сынка мафиози тоже словил пулю
> так ему и надо
<Кладовой> ВНЕЗАПНО умер якудза! наркота отпустила?
> один мой друг - он стоил двух, он ждать не привык...
<Сиськe> а на второй дорожке это не актер атариги?
<12> походу да. величайший повод для слухов в японской медиаистории :>
<Кошак> что-то A и B ушли с курса, евпочя :3
<01> :o значит, правда, кто вмешивается, тот умирает
<Сиськe> я живая!
<12> для общества считай что мертвая :>
<Кладовой> кста, формал был хорошим человеком.
<12> вхат?
<01> шутишь :D
<Кладовой> он кормил животных в парке каждый день. а когда находил брошенную кошку, забирал домой. ну да, как человек человеку-то он волк, но кроме человеков вполне
<Кошак> ты что, знал?
<12> .....

<01> …….
<Сиське> Кладовой: ты не слишком спокойно о нем говоришь? вы друзья или что?
<Кладовой> привычка, каждый день с трупами вожусь… все там будем

Был ли застреленный в передаче полисмен нашим Формалом, который вышел, чтобы остановить якудзу, нет ли — все-таки нельзя сказать наверняка.
Забег, тем временем, выходил на финишную прямую.
Привычно — личное письмо от Кошака.

<Кошак> ну, как готовность?

Издеваешься? К такому за всю жизнь не приготовишься.

7. 12 – 13 периоды

Атариги Рэйдзи уже никто не мог остановить. Он перешел к полной свободе с видом на идеал любви.
Секунда на то, чтобы перейти границу дорожки, границу мира, и спустить штаны с Макари Итиро. Три — чтобы спустить трусы. Четырнадцать, чтобы трахнуть сзади. Так давать волю животному нельзя. Выставив себя в прямой эфир не то что на всю Японию — на весь мир, Рэйдзи чувствовал, как приходит конец всему, чего он добился в жизни. Но он был счастлив. Новоявленное чувство удовлетворения, полноты жизни. Прямо сейчас я живу!
А вот Макари Итиро все еще не мог смотреть фактам в лицо. Оголенная нижняя часть, бегущий рядом такой же… откровенный парень… Он нахмурился: «Это что, розыгрыш?» Рожденный в стране бесплатных воды, безопасности и моэ не знает чувства летальной опасности. В расплату за это Итиро анально покарали.
Сомнение превратилось в уверенность; Итиро наконец осознал происходящее.
СПАСИТЕ! Растерянность мужчины затмила даже абсциссу времени. Еще бы. Все слова покажутся блеклыми от угрозы для девственности. А в виду весомой легкости бытия сложно оставаться на маршруте.
Run-break-fuck, run-break-fuck.
Какое теперь беспокойство про жену и богатство… Новоявленное чувство потери. Прямо сейчас он живет?
Итиро бежит. И Рейзди бежит. На последний период оба устраивают гонку в полном смысле. В голове Итиро флэшбэком — собирающая дома пожитки и бросающая в лицо документы на развод жена. Дочка теперь возненавидит геев. Он поставил крест на их жизнях. Но и что с того? Если из-за единственного анального зондирования расставаться, не о чем и жалеть. Разлука значит, что он сможет жить один. Это не проблема. Приятная легкость на лишившейся парика макушке. И вообще, его хоть раз в жизни настолько сильно любили и хотели?
— Кстати, как тебя зовут? — после первой в жизни позы раком поинтересовался Итиро у бегущего рядом юноши.
Юноша чуть смущенно почесал щеку, ответив, что Атариги — его псевдоним.
— Нечего извиняться, мое имя — тоже псевдоним.
Чмак.
Отчаяние сгладилось, безысходность ушла. Они получили богатство. По сравнению с этим мнение мира — тоньше бумаги. Сход с маршрута — один из возможных финалов. Их ждет новая жизнь.

Но, конечно же, одной новой страницей цели жизни не ограничиваются.
«Конец» не равняется «подъему».
Безумствующий с «токаревым» в руке Кейя Широ в этот миг был всемогущ.
Hit. Run. Hit. Run.
Бедра опустить. Руки вытянуть. Плечи напрячь. Стать единым с прицелом. Даже потеряв себя, не теряешь привитых навыков.
Крепко ухваченный огнестрел как свайный молот кладет набегающих людей. Если проще, то якудза ритмично расстреливает своих собратьев вокруг.
Он не знает лиц скучных целей. Праведная месть — только отмазка. Да и нет ничего праведного в мести через рукоприкладство.
Короче, вот такой вот он. Это — «я», «ид». Низкий человек, проживший низкую жизнь, просто есть, и все.
С каждой пулей во лбу жертвы Кейя Широ оргазмирует.
Здесь уже сад якудз. Резня — обыденность.

Hit, hit, hit, hit, hit! Под пулями равноправно ложатся и набежавшие полицейские, и рычащие из-за спины черные костюмы. Что за безумный отстрел. Что за неоправдываемое преступление. Что за бессмысленная жизнь! Паблик!
— Но нет, это не то.
Вместе с эффектом от наркотика отключается и сияния. Привычный отходняк колотит спину, стирая все ощущения скопом.
Мрак, тьма, потеря.
Хлопок выстрела, атака, уничтожение.
И Кейя Широ подумал — что-то больше лишнего, чем обычно.

А тот, что на дорожке D, продолжает бег. Некогда оборачиваться.
Его преследует травма, многочисленные нелады, которых он старался не замечать.
Даже когда не стало полисмена, он не сделал такой простой вещи, как взгляд через плечо.
В нем нет мужества сделать это. Вот просто убегать он может, кажется, сколько угодно.
Ну и буду убегать до конца, раз один черт. Самый арьергардный авангард. И жить так — тоже по-человечески.
Он невзначай поднимает голову — а вокруг никого нет.
Есть только прямая дорога за горизонт.
Момент, когда сгорят накопленные калории, и есть его финиш.
Бег напропалую, словно юность. Сколько миль впереди до финишной черты?

8. В номере.

<БезИмени> Вот в таком ключе я попыталась описать забег в рукописи, вам понравилось?

<(все)> это все твои догадки штоле?!

…И на меня наорали хором все чатлане.
Я попробовала по-своему интерпретировать внутренний мир Бегунов, а ребята не оценили.
Ну да, то, что видела я, — не истина. Большие ошибки и самодурство, документалкой и не пахнет. Я думаю, только одно попало.
То, с какой целью бежали и к чему стремились Бегуны.
Они с самого начала соревновались не за место. На подъеме их жизней на тот момент они бежали в направлении подведения итога прежней жизни. Это — миниатюрная копия жизни человека.
Это была иллюстрация их обстоятельств. Просто ее уложили в формат марафона, который может бежать кто угодно вместе.

<Сиське> ммммм и как думаете, каким образом я бы бежала если бы меня выбрали?
<01> оо, сиське бы стала играть в такую игру, где все набегающие жертвы без исключения шли бы ей в рабы :>
<12> как покемон, но для взрослых :>
<Кладовой> а меня бы гоняли зомби?
<Кошак> меж тем жирдяй еще бежит :3
<Сиське> БезИмени: а если бы тебя выбрали бегать? что будешь делать?
<БезИмени> Да ничего. Молюсь, чтобы не выбирали.
<Сиське> панятн. а мне вот интересно было бы
> те. не наделывать рабов. просто кажется, им там весело. или хотя бы когда бегут то у всех главные роли.
<12> энивей, гратц с готовой рукописью @БезИмени
<01> теперь ты можешь выходить наружу :>
<БезИмени> Не совсем. Я не выхожу не потому, что рукопись не дописывается.
<12> пии?

Вот так. У меня была другая причина не выходить.
Я вспоминаю, как ребята обсуждали городские байки. Про смену цвета двери, про форму. На самом деле все проще.
Дверь, через которую пройдет Бегун, меняет внешнюю и внутреннюю стороны. Этот забег изначально не дает права на отказ. Если не проходить в уличную дверь, остается всю жизнь куковать отшельником.

<Кладовой> ох, тут работа, я отваливаюсь. пора тащить бренное тело на упокой
<Сиське> пойду ка и я наверно
<12> мы тоже пошли ^^/
<01> ^^/
*** Кладовой покидает чат**
*** Сиське покидает чат**
*** 12 покидает чат**
*** 01 покидает чат**

Месенджер вмиг замолк.
Ребята, которые так шумно общались, даже не досмотрели забега и вернулись к своим офлайновым делам.
В телеке до сих пор бегут к горизонту несколько человек.
Что я буду делать, если меня выберут?
Бегуны по телеку — никакие не особенные, а мы, смотрящие на них, — никакие не обычные. И те, и другие — такие же люди. В любом случае наступит подведение итога. И это можно сделать зрелищем, и так, пожалуй, даже лучше, чем жить, не попадаясь на глаза никому. Люди — существа взаимообмена. Если тебя развлекли, и ты поучаствуй, сохрани правильный баланс.

<Кошак> ты ок?

Ну блин.
Глубоко вздыхаю и проверяю существование клочка бумаги на столе. Погребенный под брошюрами отеля и материалами для рукописи конверт, факта владения которым я не припомню.
Однако — в чем на данный момент состоит цель лично моей жизни?
В детстве я каждый день воображала разные, но после тридцатника даже не задумывалась.
— Ну…
Тяжело поднимаюсь и переодеваюсь в одежду, в которой легче всего двигаться.
— Поехали.

Я собралась с духом и положила руку на ручку вывернутой наизнанку двери.